

Виктор Алеветдинов

СЕМЬ МЕЧЕЙ СЕВЕРНОГО ДРАКОНА

— Печати Небесной крови —

— Книга 4 —

Историко-мистический боевик

18+

Виктор Алеветдинов

**Семь мечей северного дракона.
Печати Небесной крови. Книга 4**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Семь мечей северного дракона. Печати Небесной крови. Книга 4 /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Белый выстрел разрушает древнюю дорожную печать и открывает путь к кузнице Семи Ветров, где через девять дней должен определиться хозяин семи легендарных клинков. Глеб Воронеж не собирается участвовать в чужом турнире, но самый странный меч — тупой Безмолвный — выбирает именно его. Клинок не режет плоть: он разрывает приказы, клятвы и чужую волю. Пока владельцы проходят испытания штурмом, погоней, боем на льду и диверсиями, Ли Шэньюэ раскрывает замысел оружейного мастера Бай Тешаня. Белый Порох способен заставить любую печать утратить право действовать, а семь мечей должны соединиться в одном носителе. Для этого нужна кровь Глеба. Кузница обещает прекратить войны, если один человек получит абсолютную власть. Но сможет ли Глеб победить, не став тем военачальником, которого из него создают? И уничтожит ли Ли оружие, способное защитить простых солдат от мастеров печатей?

Содержание

Часть I. Меч без ранга	5
Глава 1. Белый выстрел	5
Глава 2. Лиса ведёт на запад	10
Глава 3. Ворота Семи Ветров	15
Глава 4. Меч, который не режет	20
Глава 5. Семь владельцев	25
Глава 6. Клятва на девять дней	31
Глава 7. Тупая кромка	36
Глава 8. Схема в рукояти	41
Часть II. Семь школ убийства	47
Глава 9. Штурм Сломанного зубца	47
Глава 10. Приказ, который ранит	52
Глава 11. Охота в соляном ущелье	58
Глава 12. Цена остановки	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виктор Алеветдинов

Семь мечей северного дракона. Печати Небесной крови. Книга 4

Часть I. Меч без ранга

Глава 1. Белый выстрел

Камень под передним копытом хрустнул, и лошадь осела на задние ноги. Глеб перехватил повод у самых удили, дёрнул голову животного к скале и прижал плечом к выюку. Край дороги был в двух шагах. Ниже лежала осыпь, уходившая к серой речке.

— Стоять.

Лошадь не знала русского, но страх понимала. Она перестала биться и тяжело втянула воздух. Из-под копыта скатился камень. Он долго прыгал по склону, пока звук не пропал. Савва, ехавший следом, посмотрел вниз и перекрестился.

— Хорошая дорога. Двоим можно пройти, если один уже мёртв.

— Слезай. Поведёшь коня.

— Я надеялся, что ты оценишь шутку.

— Оценил. Поэтому оставил тебя в живых.

Ли Шэньюэ остановила свою лошадь у стены. За ней шла Юнь-Су в женском облике. После монастыря она берегла силы и ступала осторожнее обычного.

Дорога огибала западный склон Большого Хингана. Снег в трещинах ещё не растаял, ветер бросал в лицо каменную пыль. До спуска оставалось меньше версты.

Глеб хотел пройти её до полудня и хотя бы сутки не ввязываться в чужие дела. Он повёл коня вперёд. На внутренней стороне дороги виднелись старые знаки: ладонь, клин и изогнутая черта. Печать удерживала склон, пока по дороге шли путники. Ли проверила первый знак утром и сказала, что правило старое, но исправное.

Глеб не любил такие слова. Так говорили о мосте перед тем, как он уходил под воду. Скала впереди вспыхнула белым.

Выстрела он не услышал. Белая вспышка легла на знак, и камень вокруг него побелел. Высеченная ладонь исчезла, но скала не треснула. Печать отпустила склон.

Сначала вниз пополз песок. Потом сдвинулась полоса камней шириной с телегу. Дорога просела, и лошадь Саввы рванулась назад.

— К стене! Повод брось!

Савва успел отскочить. Конь развернулся поперёк дороги, ударил крупом о скалу и сорвался задними ногами. Выюки потянули его к краю.

Глеб прыгнул к животному и схватил ремень под брюхом. Ли уже спешилась.

— Верёвку из моего выюка. К выступу.

Она побежала, не споря. Юнь-Су прижалась ладонями к скале и посмотрела вверх.

— Над нами пока цело. Сойдёт ниже.

— Возьми переднюю лошадь за узду.

Саввин конь захрипел. Передние копыта скребли дорогу, задние висели над осыпью. Глеб упёрся сапогами в камень и потянул ремень. Выюк сполз и ударил его по бедру.

— Режь груз!

— Там лекарства.

— Сейчас там груз.

Савва выхватил нож. Первый ремень лопнул, и тюк ушёл вниз вместе с котелком. Второй зацепился за седло. Конь дёрнулся, увлекая Глеба к краю.

Ли обвязала верёвку вокруг каменного зубца и бросила конец. Глеб перехватил его, обмотал вокруг предплечья и пропустил под грудью коня.

— Савва, к Ли. Юнь-Су, сюда.

— Та лошадь убежит.

— Лучше убежит, чем ляжет на нас.

Юнь-Су отпустила повод. Лошадь попятилась, развернулась и поскакала по дороге. Глеб видел белую борозду в скале. Она ползла от уничтоженного знака к следующему.

Борозда не ломала камень. Она стирала знаки, и склон под ними начинал двигаться.

— Тяните!

Ли, Савва и Юнь-Су налегли на верёвку. Конь выбросил передние ноги, зацепился копытом за край и подтянул грудь на дорогу. Глеб просунул плечо под седло и толкнул. Животное вывалилось на дорогу, сбilo его и легло, дрожа всем телом.

Каменная волна прошла ниже. Осыпь загрохотала так, что Глеб почувствовал её в рёбрах. Пыль закрыла речку.

— Живы? — спросил он, поднимаясь.

— За себя пока согласен, — сказал Савва.

Ли осмотрела коня. На задней ноге висел клочок кожи, но кость уцелела.

— Идти сможет без седла.

— Снимай. Савва, перевяжи. Юнь-Су, найди стрелка.

— Ты распоряжаешься так, будто мы твоя дружина.

— Моя дружина слушала хуже.

Юнь-Су усмехнулась и побежала вверх по дороге. Ли задержала взгляд на Глебе, потом достала полотно.

— Что? — спросил он.

— Позже.

Белая борозда дошла до второго знака. Высеченный клин побледнел. Камень над дорогой дрогнул.

— От стены, — сказала Ли.

Над ними висела плита размером с крышу. Один из удерживавших её знаков уже исчезал. Глеб схватил Савву за ворот и потащил к уцелевшему участку. Ли ударила ладонью по крупу коня. Тот вскочил и, прихрамывая, пошёл за ними.

Плита рухнула туда, где только что лежало животное, и расколола дорогу. Край осыпался. Между группой и обратным путём осталась узкая полоса камня.

За провалом Глеб увидел людей. За поворотом стояла телега. Переднее колесо попало в трещину. Возница лежал под оглоблей, женщина в овчинном халате пыталась приподнять борт. Рядом плакал мальчик. Другой мужчина полз к скале, волоча ногу.

— Савва, к раненым. Ли, следи за бороздой.

— Я вернулась, — сказала Юнь-Су у него за спиной.

На волосах лежала пыль. В руке она сжимала деревянный пыж, обёрнутый белой бумагой.

— Стрелок был на старой площадке. Один человек и мул. Ушёл к западу.

— Догонишь?

— Да. Но вернуться могу другой.

— Тогда оставайся. Я устал хоронить полезных союзников.

Она спрятала пыж и пошла к телеге. Возница был жив. Оглобля прижала плечо, но грудь не задела. У второго мужчины была сломана голень. Савва сразу занялся шиной. Глеб повернулся к женщине.

— Телегу поднимаем вместе. Мальчика к стене.
Она ответила на языке, которого он не знал, и Савва перевёл:
— В телеге мука. Всё, что у них осталось.
Белая борозда двигалась к третьему знаку, и времени оставалось мало.
— Вытащим пару мешков. Потом поднимем.
— Сначала снимем колесо, — сказала Ли.
Она вставила кисть-клинок под чеку ступицы. Деревянная чека вышла, колесо качнулось.
— Теперь поднимем.
— Иногда можно предупредить.
— Тогда ты успеешь объяснить, почему мой способ тебе не нравится.
Савва рассмеялся. Раненый мужчина тоже попытался и застонал.
Они сняли три мешка. Четвёртый порвался, мука высыпалась на камень. Глеб и Юнь-Су подняли борт, пока женщина вытаскивала возницу. Мальчика остановил Савва.
— Дышит. Сначала я, потом ты.
Белая борозда коснулась третьего знака. Камень вокруг телеги пошёл трещинами.
— Уводи людей, — сказала Ли.
— Идешь с нами.
— Мне нужно прочесть остаток.
— Потом.
— Потом дороги не будет.
Глеб схватил её за локоть. Ли не вырвалась, но посмотрела на его руку.
— Если я не пойму, что это сделало, следующая дорога рухнет раньше. — Глеб отпустил её.
— Полминуты.
— Сколько это?
— Пока Савва не начнёт ругаться.
— Тогда у меня мало времени.
Глеб отвёл раненых за выступ и унёс мешок, который женщина отказывалась бросать. Ли опустилась у борозды. Достала нефритовую пластину, прижала к побелевшему знаку и надрезала палец. Капля крови легла на камень. На пластине проступили три линии. Две сошлись, третья оттолкнула их и погасла.
— Это не пробой, — сказала она.
— Дорога развалилась сама?
— Правило заставили подтвердить своё право.
Глеб посмотрел на осыпь и хмыкнул.
— Не подтвердило.
— Свидетель этой печати умер давно. Её сохраняло старое признание. Белый заряд отнял его на один миг. Этого хватило.
— Заряд ничего не разрушает?
— Он задаёт вопрос, на который старое правило не успевает ответить.
Борозда двинулась дальше. Ли убрала пластину, но пальцы правой руки не послушались. Нефрит выпал. Глеб поднял его.
— Рука?
— Онемела.
— Цена?
— Чужое правило прошло через кровь. Чувствительность вернётся.
— Уверена?
Ли пошевелила пальцами. Два дрогнули, остальные остались неподвижны.
— Нет.

Савва крикнул из укрытия, что полминуты закончились и он готов ругаться на двух языках. Глеб помог Ли подняться.

Юнь-Су стояла возле разрушенного знака. Лицо побледнело, зрачки вытянулись.

— Я знаю эту работу.

Ли остановилась рядом с ней.

— Откуда?

— Такие линии делали в кузницах Семи Ветров. Ими проверяли металл перед тем как дать ему имя.

— Металл не удерживает склон.

— Поэтому это уже не кузнечная проверка.

Юнь-Су провела ногтем над бороздой, не касаясь её, и лицо стало жёстче.

— Здесь смешали пепел печати с порохом. Выстрел разрешил осыпи вспомнить, что она должна падать.

Глеб показал на белую бумагу вокруг пыжа.

— Кто мог сделать заряд?

— Мастер, знающий кузнечную формулу и работу печатей.

— Таких много?

— Живых — мало.

Ли взяла пыж. Бумага была исписана мелкими знаками. Семь коротких черт у края сохранились.

— Семь мечей.

Глеб вспомнил стену последней камеры в сгоревшем монастыре. Там клинки сходились к пустому месту в центре. Теперь те же линии окружали отверстие, через которое прошёл огонь.

— До кузницы далеко? — спросил он.

— Два дня, если перевал открыт, — ответила Юнь-Су. — Девять дней до закрытия гостевого круга.

— Какого круга?

— О нём я собиралась рассказать вечером.

— Рассказывай сейчас.

Юнь-Су посмотрела на раненых, прежде чем ответить.

— Семь владельцев входят в кузницу по гостевой клятве. Через девять дней круг закрывается. Потом выйти можно с разрешения хозяина или оставив цену.

— Ты знала и молчала?

— Ты хотел безопасную дорогу. Я надеялась привести тебя к воротам до полезных вопросов.

— Надежда умерла.

— Она прожила дольше многих моих надежд.

Савва подошёл к телеге и проверил ремень.

— У возницы трещина в ключице. Второго надо везти.

Глеб посмотрел на телегу. Ось уцелела, колесо лежало рядом. Обратный путь был отрезан. Впереди дорога оставалась целой. За поворотом остались только следы сбежавшей лошади. Они уходили к лесу, и искать животное среди осыпей было некогда.

— Починим колесо. Раненого коня запряжём рядом с их лошадьё.

— Наши припасы? — спросил Савва.

— Половина ушла вниз. Одну лошадь потеряли.

— Там была соль.

— Камни её оценят.

Савва вздохнул и покачал головой.

— Теперь я понимаю, почему тебя не приняли в торговый союз.

Женщина достала маленький мешочек и протянула Савве.

— Соль у неё есть. Поделится, — сказал Савва. — Я уже согласился за тебя.

Глеб посмотрел на Ли. Она разминала онемевшие пальцы и следила за бороздой.

— Идти дальше — плохое решение?

— Возвращаться некуда. Стрелок ушёл к Семи Ветрам, раненым нужна помощь. Мы должны узнать, сколько зарядов изготовлено.

— Это всё?

Ли подняла взгляд на Глеба.

— Если Белый Порох действует на любые старые печати, безопасных дорог больше нет.

Глеб кивнул. Его раздражало не то, что она была права, а то, как быстро он сам пришёл к тому же решению.

Колесо поставили на место, чеку заменили обломком ножен. Раненых уложили в телегу.

Телега тронулась. Глеб пошёл рядом, не давая хромой лошади ускоряться. Юнь-Су проверяла каждый знак. Ли шла возле скалы и искала продолжение борозды. Через сотню шагов она подняла руку.

В обломке камня застрял кусок белого металла. Ли вытащила его кончиком кисти-клинка и очистила от пыли. Это была часть оболочки заряда, выгнутая от жара. На внутренней стороне сохранилось клеймо: семь расходящихся лезвий и маленький молот под ними. Юнь-Су отвернулась.

— Чьё? — спросил Глеб.

Ли долго смотрела на знак. Пальцы правой руки ещё не сгибались до конца.

— Бай Тешань.

Имя ничего не сказало Глебу, но Савва перестал поправлять ремень на телеге и нахмурился.

— Кузнец? — спросил он.

— Оружейный мастер моего клана. Его объявили погибшим двенадцать лет назад.

Глеб взял тёплый обломок. Белая борозда сходилась к клейму, как семь клинков к пустому центру.

— Значит, он умер не до конца.

Ли забрала металл и завернула в ткань, не касаясь клейма пальцами.

— Если это его работа, нам нельзя опоздать к воротам.

Глеб посмотрел на дорогу, уходившую к западу. Он хотел провести своих через перевал и оставить чужую войну позади. Теперь за ним шла телега с ранеными, впереди ждала кузница, а в сумке Ли лежал кусок оружия, способного заставить старую печать оправдываться.

— Идём к Семи Ветрам. До темноты найдём воду. Утром двинемся по следу стрелка.

Телега скрипнула, раненая лошадь потянула её вперёд. Под тканью исчезло белое клеймо Бай Тешаня, которое двенадцать лет считалось знаком мёртвого мастера.

Глава 2. Лиса ведёт на запад

К вечеру лес расступился. Дорога спустилась в высохшее русло, где ещё держались лужи после весенней воды. Телега шла медленно. Раненый возница лежал на мешках, второй путник стонал при каждом толчке. Савва правил, придерживая больного коня за повод.

Ли Шэньюэ шла последней и смотрела не на людей, а на глину.

На краю лужи отпечатались два копыта. Следы уходили к северному склону, где не было прохода для лошади. У следующей лужи они стали глубже.

Ли остановилась.

— Глеб.

Он обернулся. После перевала на его кафтане осталась белая пыль, а на левом рукаве засохла кровь лошади.

— Что?

— Нас ведут по ложному следу.

Глеб посмотрел на отпечатки.

— След есть. Лошадь есть. Где ложь?

Ли присела и коснулась края копыта ногтем.

— Отпечатки вдавлены одинаково, но вода не поднялась по краям. Их сделали позже. Деревянной формой.

— Удобная лошадь. Не ест и не устаёт, — сказал Глеб.

Юнь-Су вернулась из зарослей. Она шла босиком, чтобы не оставлять человеческих следов, и держала в руке обломок белого металла.

— На склоне никого. Там ставили форму в грязь и подтягивали её верёвкой от лужи к луже.

Ли взяла обломок. На краю сохранилась чёрная копоть, но белое покрытие не потемнело. Такой же металл они нашли у разрушенной дорожной печати.

— Они собирают части заряда, — сказала она.

— От нас уходят или за нами идут? — спросил Глеб.

Ли оглянулась. Плоский камень у воды был очищен от пыли. Обломок подняли недавно.

— Идут за нами. Подбирают металл и пыжи. Им важнее след выстрела, чем мы.

Глеб снял с плеча топор.

— Сколько?

— Двое оставляли отпечатки. Третий нёс мешок. Он ставил ногу глубже и берёт правый бок.

— Значит, трое.

— Или нас хотят заставить считать до трёх, — заметила Юнь-Су.

Ли поднялась. После чтения белой борозды два пальца правой руки ещё не чувствовали холод металла. Она спрятала обломок в ткань.

— Они знают, что мы нашли клеймо Бая.

Имя сдавило ей горло.

Ли успела закрыть рот. Воздух остановился под языком, словно внутри шеи затянули ремень. Она прижала два пальца к ключице и дождалась, пока узел ослабнет.

Глеб подошёл ближе.

— Опять старый запрет?

— Снять можешь?

— Могу попытаться.

— Цена?

Ли промолчала. Глеб посмотрел на её руку и больше не спросил о цене.

Он повернулся к Юнь-Су.

— Привал через полверсты. Там поговорите. Без крови.

— Ты распоряжаешься моей кровью? — спросила Ли.

— Нет. Напоминаю, что она у тебя одна.

Он пошёл к телеге. Его правота раздражала сильнее приказа.

Русло повернуло к западу. У старой ивы нашлась вода под камнями, а выемка в берегу защищала от ветра.

Глеб осмотрел склон и велел поставить телегу под ивой. Савва занялся ранеными. Женщина с мальчиком собирала хворост. Ли заметила, что Глеб не раздавал лишних слов. Он показал каждому работу и сам отнёс мешок с мукой под каменный навес.

— Половина припасов ушла в пропасть, а он кормит чужих, — сказал Савва по-китайски. — Как лекарь, я не одобряю людей, которые постоянно добавляют мне работу.

Юнь-Су села у корней ивы. Ли опустилась напротив. Между ними лежал обломок с клеймом.

— Ты знала этот знак в монастыре, — сказала Ли.

— Знала.

— Почему промолчала?

— Ты не спрашивала о кузнецах.

— Я спрашивала о людях, связанных с Печатью Железной Лисы.

— Он не был связан с ней после изгнания.

Юнь-Су отвечала точно и пряталась внутри точности.

— Бай Тешань служил моему клану?

Горло снова сжалось. Имя зацепило родовой запрет. Ли наклонила голову и заставила себя дышать через нос. Перед глазами потемнело.

Юнь-Су не двинулась.

— На этот вопрос я могу ответить. Он работал в северной оружейной ветви клана Ли.

— Что он изготавливал?

— Клинки для стражи. Скобы для врат. Формы, которые проверяли металл до присвоения имени.

— Белый Порох?

— Тогда его не было.

Ли провела большим пальцем по ладони. Она могла надрезать ладонь и открыть запрет кровью. Достаточно было вписать собственное имя как исключение. Но родовая формула не исчезла бы. Она вошла бы глубже и взяла плату позже, когда Ли не сумела бы выбрать удобный момент.

Она убрала руку.

— За что его изгнали?

Ремень в горле затянулся сильнее. Ли закашлялась.

Глеб оказался рядом раньше, чем она подняла голову.

— Хватит.

— Мы ещё не закончили.

— Ты закончишь, когда сможешь говорить.

— Это мой клан.

— Поэтому ты и превращаешь разговор в суд.

Ли выпрямилась, вытирая слёзы от кашля.

— Она скрывала сведения, от которых зависит наша дорога.

— Скрывала. Спроси, что Бай делал. Не требуй приговора за двенадцать лет до того, как мы его увидели.

Юнь-Су посмотрела на Глеба.

— Иногда ты говоришь разумно.
— Не привыкай.
Савва принёс кружку воды и протянул Ли.
— Пей. Если продолжишь душить себя именами, мне придётся лечить тебя молчанием.
Это единственное средство, которое у меня осталось бесплатно.
Ли выпила. Вода пахла корнями и железом.
Она повернулась к Юнь-Су.
— Какое решение Бая вызвало спор с хранителями?
Запрет не сработал. Вопрос касался действия, а не вины.
Юнь-Су медленно кивнула, признавая обход.
— Он требовал открыть оружейные печати простым солдатам.
— Для чего?
— Чтобы мастер не мог безнаказанно убить десяток людей одним правилом. Бай говорил: если печать меняет поле боя, обычный воин должен иметь средство заставить её ответить.
Глеб присел у корня, но топор оставил на коленях.
— И клан Ли отказал?
— Хранители боялись, что такое оружие разрушит дорожные врата, городские круги и родовые хранилища. Бай предлагал ограничение: заряд должен был лишать печать основания только на один вдох.
Ли посмотрела на белый обломок.
— На перевале этого хватило.
— Бай предупреждал, что хватит, — сказала Юнь-Су. — Ему ответили, что обычному солдату нельзя доверять право задавать вопрос печати.
— А мастеру можно? — спросил Глеб.
Юнь-Су не улыбнулась.
— Таков был их спор.
Ли знала ответ своего клана. Хранители считали мастерство правом решать за остальных, хотя называли это ответственностью.
— Ты была свидетелем изгнания? — спросила она.
— Я присутствовала при последнем договоре, который он подписал с кланом.
— Он умер после него?
Юнь-Су отвела взгляд к руслу.
— Договор не подтвердил его смерть.
— Значит, ты знала, что он мог быть жив.
— Мог быть — не значит был.
Ли сжала кружку так, что дерево скрипнуло, а вода поднялась к самому краю.
— Для тебя — возможно.
— Для печати важно, кто платит.
Глеб поднялся, опираясь ладонью на корень и не сводя глаз с поворота русла.
— На сегодня достаточно. Погоня не ушла.
— Я не договорила, — сказала Ли.
— Они тоже хотят, чтобы мы говорили дольше.
Он показал на мальчика у костра. Тот держал в руках ветку, но смотрел в сторону русла.
Из-за поворота донёсся один короткий стук камня.
Ли встала.
— Ложный привал.
Глеб кивнул.
Огонь не гасили. Савва укрыл раненых за мешками. Женщина выслушала его, взяла полено и села рядом с сыном. Глеб одобрительно кивнул.

— Хорошо объяснил, — сказал он Савве.

— Я сказал, что ты плохой хозяин и гости сами должны защищать ужин.

— Так правдивее.

Ли протянула шёлковую нить между корнями ивы и спрятала её под пылью. Две нефритовые пластинки должны были связать шаг с местом и не дать оружию подняться выше пояса. Третью она оставила пустой для имени пленного.

Глеб спрятался за телегой. Юнь-Су ушла на противоположный склон. Савва сел у огня и начал помешивать пустой котелок.

— Что готовишь? — спросил Глеб.

— Пока ничего. Но мешаю убедительно.

— Это у тебя всегда получалось, — сказала Ли.

— Вот поэтому люди не любят образованных пленников.

Ли ушла за иву. Онемевшие пальцы плохо держали последнюю пластину. Она сжала кисть и дождалась, пока дрожь пройдёт.

В сумерках костёр освещал телегу и Савву с пустым котелком. Из русла вышел мужчина с мешком на плече и коротким копьём.

Он шёл к ткани, под которой Ли оставила поддельный обломок.

Мужчина шагнул через первую нить.

Нефритовая пластина щёлкнула. Его правая нога застыла на месте. Он рванулся и упал на колено. Копьё поднялось, но вторая пластина вспыхнула. Древко ударило его по бедру, словно над ним опустилась невидимая перекидаина.

Глеб выскочил из-за телеги. Мужчина бросил копье и ударил ножом снизу. Глеб вывернул ему запястье и прижал лицом к земле.

Слева свистнула стрела. Юнь-Су сбила её камнем. Вторая ударила в колесо.

— Двое на склоне! — крикнула она.

Ли провела кистью по пустой пластине и вписала знак остановки. Нить натянулась поперёк русла. Один преследователь успел отступить. Второй зацепился ногой и скатился по глине. Юнь-Су прыгнула на него, но он раздавил что-то в кулаке. Белая вспышка ударила в землю. Пыль закрыла склон.

Когда пыль осела, человек исчез. К камням тянулся след крови.

Глеб поднял пленного на колени. Мужчина был моложе, чем Ли ожидала. На щеке тянулся свежий ожог от Белого Пороха. Мешок лежал рядом. Внутри звякнули металлические обломки.

— Живым, — сказала Ли.

— Пока стараюсь, — ответил Глеб.

Под кожей шеи пленного появилась чёрная полоса от языка к сердцу. Печать молчания уже проснулась.

— Не заставляй его говорить, — сказал Савва. — Узел разорвёт горло.

— Если промолчит, разорвёт сердце.

Глеб ослабил захват, чтобы пленник мог вдохнуть.

Ли показала ему белый обломок.

— Ты собирал части заряда. Кому их везут?

Мужчина открыл рот. Чёрная полоса затянулась. Он закашлялся, и на губах появилась кровь.

— Не имя, — сказала Ли. — Покажи направление.

Он повёл глазами на запад.

— К Семи Ветрам?

Пленный моргнул один раз.

— Сколько зарядов уже сделано?

Он не ответил. Полоса дошла до груди.

Ли могла вскрыть узел кровью, связав его со своим именем. Но родовой запрет мог войти в формулу, и тогда она рисковала потерять голос до прибытия к кузнице.

Глеб увидел её руку у кисти-клинка.

— Не надо.

— Он умрёт.

— Он уже умирает. Не отдавай печати второго человека.

Пленный дёрнулся. Ли прижала нефрит к его груди и изменила вопрос.

— Для чего нужны семь владельцев?

Чёрная полоса замерла. Печать запрещала выдавать хозяина и место, но цель договора оказалась вне запрета.

Мужчина втянул воздух.

— Семь... должны...

Кровь пошла из носа. Савва поддержал ему голову.

— Не спеши.

— Выбрать... одного.

На последнем слове полоса сомкнулась вокруг сердца. Тело выгнулось и обмякло. Савва приложил пальцы к шее, затем опустил руку.

Глеб медленно поднялся.

— Турнир выбирает лучшего?

Ли посмотрела на семь черт на белом обломке.

— Формула другая. Владельцы не выбирают победителя. Их права должны сойтись в одном носителе.

— В одном человеке?

— Или в том, что кузница признает человеком.

Юнь-Су вернулась со склона. На рукаве была кровь, но самой раны Ли не увидела.

— Второй ушёл. Третий прикрывал его выше по руслу. Теперь они знают, что мы взяли пленного.

— Ненадолго, — сказал Савва.

Он закрыл мёртвому глаза. На одежде не было жетона Канцелярии. Ли сняла с его запястья кожаный наруч. Под ним кожа побелела.

Сначала проступили семь коротких черт. Затем под ними появились чаши весов, соединённые одной перекладиной.

Савва нахмурился.

— Торговый знак.

Ли знала его. Так отмечали людей союза, который сопровождал сделки через степь и признавал долги сильнее границ. Право ставить знак принадлежало дому Мэй Жоу. Дорожные договоры дома оформлял Чжао Дин.

— Это не Канцелярия, — сказал Глеб.

— Нет. Торговый союз.

Юнь-Су посмотрела на мешок с обломками.

— Значит, Белый Порох уже собирают не только для кузницы.

Глава 3. Ворота Семи Ветров

Торговый знак на руке мёртвого подтвердил худшее: части Белого Пороха уходили за пределы кузницы. К полудню ветер унёс запах леса. Земля стала светлее, трава редкой, а дорога пошла между голыми каменными грядами. Телега скрипела на подъёме. Хромая лошадь шла в упряжке рядом со второй, и Глеб время от времени подталкивал обод плечом, чтобы старая чека не выскочила из ступицы.

Впереди Юнь-Су поднялась на плоский камень и махнула рукой.

— Приехали.

Глеб забрался к ней. За уступом лежала круглая котловина. В центре чернела гора с прорезанными в ней воротами. Над внешним двором висели семь клинков. Шесть находились высоко. Седьмой был короче и висел почти над каменным кругом арены.

Вокруг кузницы стояли лагерь. Каждый отделился от соседей канавой, кольями или натянутой верёвкой.

— Гостеприимное место, — сказал Савва. — Сразу видно: хозяева верят в дружбу.

— Они верят в расстояние между друзьями, — ответила Ли.

Глеб смотрел на подвоз воды. К воротам шла тяжёлая бочка под охраной. Другой обоз вёз уголь. Кузница могла изготовить оружие, но сама зависела от дорог. Эту мысль он оставил при себе.

У подножия склона дорога разделилась на семь колеи. Каждая вела к своему лагерю, но перед воротами они сходились. Ни один отряд не ставил часовых в середине. Вместо этого люди наблюдали друг за другом с краёв. Глеб насчитал три арбалета, направленных не наружу, а через котловину.

— Если начнётся драка, ворота закроют? — спросил он у Юнь-Су.

— Сначала посмотрят, кто останется стоять.

— Удобное правило для хозяина.

Ли поправила перевязь на руке.

— Хозяин считает, что соперничество выявляет достойного.

— Соперничество чаще выявляет того, у кого больше еды.

На ближайшем склоне блеснули стволы пицалей. Русские стрельцы стояли у земляных щитов. Их командир вышел вперёд, прищурился и снял рукавицу.

Глеб узнал его по походке.

Яков Неждан стал шире в плечах и отпустил бороду. На левом виске белел старый рубец. В прежней дружине он следил, чтобы люди держали строй даже тогда, когда строй уже лежал в грязи.

— Воронец! — крикнул Яков. — Говорили, тебя повесили.

Глеб спустился с камня.

— Не дождались хорошей верёвки.

Яков засмеялся и подошёл ближе. За ним шли трое стрельцов.

— Ты теперь караваны водишь?

— Иногда они сами ко мне прибиваются.

— За тобой всегда прибивалась беда. Караван — дело новое.

Они пожали руки. Хватка у сотника осталась прежней: сильной и чуть более долгой, чем требовалось.

— Кто служит с тобой? — спросил Яков.

— Никто.

— Тогда кто эти люди?

— Идут рядом.

Сотник посмотрел на Ли, потом на Юнь-Су.

— В кузнице не любят людей без хозяина.

— Значит, привыкнут.

Улыбка Якова стала уже.

— Русским выделили место у северной стены. Пойдёшь со мной — получишь еду и защиту.

— А приказ?

— Без приказа еда хуже усваивается.

— Я уже ел плохую.

Яков кивнул на Ли.

— Мастера клана ждали. Тебя — нет.

— Это делает дорогу приятнее.

— Ворота решат.

Он вернулся к лагерю. Один стрелец задержался, глядя на Юнь-Су. Она показала ему зубы, и он сразу догнал остальных.

— Старый друг? — спросила Ли.

— Старый порядок.

Телега спустилась к воротам.

Перед кузницей лежал каменный круг. В его внешнем ободе были вырезаны имена прежних владельцев. Многие стёрлись. Две створки из тёмного металла стояли открытыми. За порогом писцы проверяли прибывших и вносили их в книги.

Охрана остановила телегу копыями. Старший показал на стол.

— Имена. Право входа. Оружие оставить в описи.

Савва перевёл. Глеб положил ладонь на рукоять меча.

— Оружие остаётся при нас.

Из-за стола поднялся мужчина в сером кафтане. Он был невысок и улыбался так, словно спор уже приносил ему пользу. На поясе висела связка деревянных бирок.

— Чжао Дин, распорядитель внешнего двора. Оружие владельца входит с владельцем. Оружие слуги хранится у ворот.

— Тогда записывай всех владельцами, — сказал Глеб.

— Кузница сама решает, кого признаёт.

Чжао провёл узкой дощечкой над запястьем Глеба. На дереве появился белый знак с семью чертами.

— Вы уже включены в испытание.

— Мы не соглашались, — сказала Ли.

— Белая метка признала вас участниками до прибытия.

— Метку оставил чужой заряд.

— Для ворот важен след, а не намерение стрелка.

— Значит, кузница принимает нас без приглашения?

— Вас троих — да.

Он показал на Глеба, Ли и Савву. Потом поднёс дощечку к Юнь-Су. Дерево почернело.

Копья охраны опустились перед ней.

— Нечеловеческий свидетель не проходит по гостевому праву.

Юнь-Су шагнула к порогу. Воздух сжался и отбросил её к телеге. Она упала на колено, а на щеке проступила рыжая шерсть.

Глеб встал между ней и копыями.

— Ещё раз так сделаете — испытаете ворота на себе.

Охранники напряглись. Чжао поднял ладонь.

— Врата исполнили условие. Я к ней не прикасался.

— Потому и разговариваю с тобой.
Ли подошла к порогу. По металлическим створкам прошёл низкий гул.
— Назови формулировку полностью.
— Гостевое право предоставляется приглашённым владельцам, их людям, признанному имуществу и свидетелям человеческой крови.
— Юнь-Су давала свидетельство в монастыре.
— Кузница не связана монастырским договором.
— Но признаёт Белый Порох, созданный из пепла его печати.
Чжао перестал улыбаться.
— Ты предъявляешь обвинение?
Ли достала обломок заряда с клеймом Бай Тешаня.
— Я предъявляю предмет.
Писцы наклонились вперёд. Чжао не взял металл.
— Его примет хозяин после регистрации.
— Тогда зарегистрируй Юнь-Су как свидетеля находки.
— Врата не признают её кровь.
— Свидетельство определяется пониманием цены.
— Эти врата действуют иначе.
Глеб слушал спор и смотрел на телегу. Возница уже пришёл в сознание. Жена придерживала его повреждённое плечо. Мальчик сидел на мешке и сердито глядел на охрану.
Гостевое право пропускало признанное имущество. Ворота не различали живого и неживого, если заявитель принимал ответственность.
— Чья телега? — спросил Глеб.
Савва перевёл. Женщина показала на мужа, потом на себя.
— Сейчас общая, — сказал Глеб. — Мы чинили, они везли наши припасы.
Чжао повернулся к нему.
— Что ты хочешь заявить?
— Всё, что находится в обозе, входит как груз под моей ответственностью.
Савва кашлянул.
— Я бы сначала уточнил, что лежит в телеге.
— Ты тоже груз, если продолжишь помогать.
— Тогда требую место без сквозняка.
Глеб взял верёвку, которой был привязан запасной обод, и протянул Юнь-Су.
— Держись за телегу.
Она прищурилась.
— Ты называешь меня имуществом?
— Я называю ворота глупыми. Разницу поймёшь позже.
— Я могу войти иначе.
— Потом будем собирать тебя по склону.
Ли провела пальцами над знаком у порога.
— Он прав. Врата проверяют ответственность заявителя. Природу груза они не читают.
— Создатель считал имущество безопасным, — сказал Чжао.
— Создатель ошибся.
— Ошибка остаётся частью договора, пока её не исправили.
Глеб посмотрел распорядителю в глаза.
— Записывай: телега, лошади, раненые путники, припасы и Юнь-Су входят под моим именем.
— Ты принимаешь цену любого вреда, который причинит лиса внутри кузницы?
— Я отвечаю за то, что привёл её. За свои решения отвечает она.

— Врата могут не принять разделённую ответственность.

— Пусть попробуют.

Ли сказала тише:

— Если порог признает заявление, твоё имя войдёт в реестр владельцев.

— Я не владелец.

— После записи это придётся доказывать внутри.

— Снаружи мы ничего не докажем.

Чжао дал ему деревянную бирку и кисть.

— Напиши имя.

— Пиши сам.

— Врата требуют знак заявителя.

Глеб вырезал ножом две буквы, которыми обычно метил снаряжение. Дерево нагрелось.

Белая линия прошла по порезам и собралась в маленький круг.

Чжао закрепил бирку на оглобле.

— Глеб Воронеж. Общий обоз. Полная ответственность за вход.

Глеб взял его за запястье раньше, чем охрана подняла копья.

— Я сказал: не полная.

Чжао не попытался освободиться.

— Переписанная запись потребует твою кровь. Сколько возьмёт порог, я не знаю.

Ли покачала головой.

— Он вынуждает тебя принять неточную запись или неизвестную цену.

— Я заметил.

Юнь-Су держалась за верёвку и смотрела на Глеба без благодарности.

— Оставляй. Я не обещаю быть удобной.

— Этого от тебя не ждали.

Глеб отпустил Чжао.

— Веди.

Телега тронулась. Сначала прошли лошади. Металл створок загудел. Затем въехали передние колёса. Белая линия на бирке вспыхнула и протянулась к запястью Глеба.

Правило проверяло его имя и требовало признать всё, что входило с обозом.

Юнь-Су шагнула следом, держась за верёвку. Врата ударили по ней. Линия с оглобли перехватила толчок, и боль вошла Глебу под рёбра. Он согнулся, но верёвку не выпустил.

— Глеб! — позвала Ли.

— Веди телегу.

Савва ударил вожжами. Задние колёса пересекли порог. Юнь-Су прошла вместе с бортом. Давление исчезло.

Глеб выпрямился. Под рубахой горело пятно размером с ладонь.

Чжао вошёл следом.

— Врата признали твою ответственность.

— Передай им, что я польщён.

— Они также внесли тебя в реестр возможных владельцев.

Писец перевернул книгу. На чистой строке само проступило имя Глеба. Рядом появился знак общего обоза.

Ли проверила запись.

— Уйти без отметки хозяина теперь не получится.

— Найдём хозяина.

— Тыходишь в ловушку так, будто это обычная дверь.

— Обычные двери тоже запирают.

Она посмотрела на ожог под его рубахой.

— Спасибо.

— Я назвал Юнь-Су грузом.

— Поэтому она поблагодарит позже. Возможно, камнем.

Юнь-Су помогала женщине спустить мальчика с телеги и делала вид, что не слышит.

Внешний двор оказался теснее, чем казался сверху. Между лагерями оставили проход к арене, но каждый шаг попадал под чужой взгляд.

У северной стены Яков Неждан разговаривал со стрельцами. Увидев бирку, он усмехнулся.

— Всё-таки владелец?

— Владелец телеги.

— Здесь многие начинали с меньшего.

— Потому и стоят за стенами.

Яков прочитал запись на бирке и задержал палец на словах об общей ответственности.

— Тебе выделяют место у русских.

— Нам нужно место для раненых.

— Лекарь кузницы принимает только участников.

Савва показал белую метку на запястье; край знака ещё светился после перехода через ворота.

— Сегодня мне впервые пригодилась чужая наглость.

Яков не улыбнулся и оглянулся на русских, проверяя, кто слышал разговор.

— Воронец, поговорим вечером. Без мастеров и лис.

— Тогда говорить придётся тебе одному.

Сотник отошёл. Двое стрельцов продолжали смотреть на Юнь-Су, оценивая её как противника.

Чжао велел отвести раненых к гостевому лекарю. Мальчик не отпускал телегу, пока Савва не пообещал вернуть мешок с солью. После этого ребёнок забрал запасную чеку как залог.

— Мы потеряли половину припасов, — сказал Савва. — Теперь лишились части телеги.

— Зато приобрели кредитора.

Они провели лошадей к навесу у арены. Ли не выпускала обломок с клеймом Бая. Юнь-Су шла рядом, но больше не касалась общей верёвки.

С другого края двора прозвучал гонг. Люди у костров поднялись. Над ареной пришли в движение подвешенные клинки.

Шесть повернулись к центру круга и замерли.

Седьмой, висевший ниже остальных, качнулся в другую сторону.

Клинок был тёмным, без украшений. Его кромка казалась затупленной. Цепь натянулась, хотя ветер стих. Остриё медленно повернулось к Глебу.

Во дворе стало тише. Чжао Дин перевёл взгляд с меча на запись в реестре.

— Ты говорил, что владеешь только телегой.

— Так и есть.

Низкий клинок дёрнулся ещё раз и указал Глебу в грудь. На рукояти открылся знак, которого секунду назад не было.

Чжао коснулся бирок на поясе.

— Безмолвный выбрал иначе.

Глава 4. Меч, который не режет

Безмолвный всё ещё указывал Глебу в грудь, когда над ареной прозвучал второй гонг. Цепь задрожала. Шесть остальных клинков повернулись к каменному кругу, а низкий меч сорвался с крепления.

Глеб отступил. Меч упал плашмя и ударил его по сапогу.

По двору прошёл смех. Глеб посмотрел на Чжао Дина.

— Если так он выбирает владельца, мне уже не нравится его воспитание.

— Подними клинок. Тогда зал признает выбор.

— А если не подниму?

— Отказ запишут после испытания.

— Я ещё не соглашался.

— Ворота согласились за тебя.

Ли коснулась локтя Глеба.

— Сначала узнай цену.

Она не тянула его к мечу и не говорила, что делать. После всего, что они пережили рядом, это считалось почти чудом.

Чжао пригласил их в круглый зал под навесом. В центре лежала площадка из чёрного камня. В дальней стене виднелась решётка. За ней стоял человек в кузнечном переднике. Лица Глеб не разглядел, но Ли выпрямилась.

— Бай Тешань.

Имя далось ей без кашля. Родовой запрет мешал обвинять Бая, но не запрещал смотреть на живого мастера, которого двенадцать лет считали мёртвым.

Шесть владельцев ждали возле своих клинков. Только русский отряд привёл больше десятка стрельцов. Яков Неждан стоял ближе к кругу, хотя меч выбрал не его.

По стенам расселись люди из лагерей. Они пришли смотреть не на оружие, а на будущих врагов. Глеб заметил, как один из монголов считал стрелы у маньчжурской охраны, а русский стрелец следил за выходами из зала. Турнир ещё не начался, но каждый уже искал место, куда ударит первым.

— Кузница показывает оружие до признания седьмого владельца, — объявил Чжао. — Каждый клинок усиливает право, которое носитель готов защищать своей ценой.

Первым вышел Гэру Сайхан. Он поднял Железный Указ и приказал воину пройти через круг.

На камне вспыхнула черта. Из стены вылетело тупое копьё и ударило в щит. Второе сбilo шлем. Воин хотел отступить, но ноги не послушались. Клинок удерживал приказ в теле. Человек шёл, пока кровь не потекла из брови.

— Дисциплина, — сказал Яков.

— Невозможность отступить, — ответил Глеб.

Тогон Саруул коснулся Ветром Погони своего сапога и рванулся за выпущенным зайцем. Он настиг зверьку у стены, но клинок продолжал тянуть его вперёд. Тогон врезался в столб и сделал ещё несколько шагов, пока слуга не поймал его ремнём.

— Свобода движения, — сказал Чжао.

— На привязи, — заметил Савва.

Красная Клятва выбрала Ло Цзэхая. Перед ним поставили щит с именем погибшего брата. Ло коснулся надписи, и меч покраснел. Он разрубил щит, затем пошёл к писцу, державшему табличку. Двое слуг остановили его лишь у края круга.

Глеб посмотрел на Ли.

— Он понимал, что щит не человек?

— До прикосновения к имени.

Мэй Жоу положила на чашу Весов Долга монету, а на вторую — каплю крови. На камне проступила цена седла. Когда помощник шагнул ближе, знак появился у него на груди.

Мэй сразу опустила меч.

— Живого нельзя оценивать без согласия.

— Клинок считает всё, что входит в сделку, — сказал Чжао.

— Тогда клинок плохо воспитан.

Цзянь У вышел босиком. Стрела остановилась перед его горлом и упала. Вторая вошла в плечо. Монах не моргнул. Пустое Сердце заставило тело принять боль без страха. Когда испытание остановили, Цзянь У поднял меч к собственной груди.

Ли бросила нефритовую пластину и сбила лезвие.

— Я контролировал руку, — сказал монах.

— Клинок контролировал смысл.

Последним выступил Хоу Лян. Он написал одно слово на свитке, и страж у двери опустился на колени. Писец рядом тоже встал на колени, хотя приказ ему не предназначался.

— Закон применяется ко всем, кто признал печать Канцелярии, — сказал Хоу.

— Удобный закон, — ответила Ли.

Писец поднялся, держась за стол. Глеб посмотрел на решётку. Бай наблюдал за владельцами, а не за оружием.

Шесть клинков давали полезное качество и тут же отнимали меру. Долг превращался в покорность, свобода — в бег, память — в месть. Даже самообладание толкало монаха на собственное лезвие. Глебу не нравились мастера, которые называли такие вещи испытанием характера. Обычно характером они именовали чужую способность терпеть.

Чжао указал на Безмолвный у сапога Глеба.

— Теперь седьмой.

— Нет.

Чжао не удивился.

— Отказ допустим. Его цена переходит на сопровождающих, вошедших под именем выбранного владельца.

На запястьях Ли и Саввы проступили белые черты. Такая же метка появилась на верёвке, которой Юнь-Су входила вместе с телегой. За дверью закричал раненый путник.

Юнь-Су дёрнула верёвку. Белая линия перешла на её ладонь и проглотила кожу. Она не отпустила, потому что тогда удар ушёл бы в телегу, где лежали раненые. Савва прижал запястье к груди. Ли побледнела, но не потянулась к кисти-клинку.

— Что с ними? — спросил Глеб.

— Кузница распределяет незанятую долю.

— Сними.

— Подними меч или выйди. Но общий обоз записан на твоё имя. При выходе цена перейдёт полностью.

Глеб подошёл ближе.

— Ты называешь это выбором?

— Я называю условием входа. Ты прочёл его поздно.

Ли сжала правую руку. Белая черта стала ярче.

— Не ломай врата. Здесь слишком много связанных людей.

— Я пока никого не ломаю.

— Я вижу.

В её голосе была просьба, не спрятанная за знанием мастера.

Глеб поднял Безмолвный. Меч оказался тяжёлым и плохо уравновешенным. Рукоять давила на старую мозоль. Чжао подал чашу.

- Проведи ладонью по кромке.
- У вас любой договор начинается с пореза?
- Кровь быстрее подписи.
- И хуже читается.

Глеб сжал лезвие и протянул ладонь от гарды к острию. Кромка была шероховатой, но кожу не рассекла. Он надавил сильнее. Ни одной капли.

- У стены засмеялись. Яков покачал головой.
- Тебя выбрал кусок железа, который не умеет резать.

Глеб ударил по ремню, державшему учебный щит. Ремень качнулся и остался цел.

- Зато одежду не испортит, — сказал Савва.
- Чжао коснулся рукояти биркой. Метки на руках спутников погасли.
- Признание принято.
- Крови не было.
- Клинок не потребовал её.

Глеб перевернул оружие. На гарде не было ни имени, ни знака школы. Металл выглядел старым, но на нём не оказалось следов заточки. Такой меч не готовили к бою. Его словно изначально сделали для другого действия.

Глеб хотел бросить меч. Ли подошла ближе.

- Не отдавай его Якову.

Она сказала это тихо, оставив решение ему.

- Почему?

— Он выбрал тебя после того, как ты провёл Юнь-Су через ворота. Возможно, отозвался на принятое тобой исключение.

Яков подошёл, не спрашивая разрешения.

- Русская доля должна принадлежать русскому отряду.
- Теперь меч делит людей по долям?
- Я привёл стрельцов и царскую грамоту. Ты привёл телегу с больными. Отдай клинок.

Получишь место десятника, а твои спутники — защиту.

- Ты станешь владельцем?
- Я уже отвечаю за русских.

Глеб помнил эту манеру. Яков всегда говорил «отвечаю», когда хотел сказать «решаю». В прежней дружине это спасало строй во время отступления, но теми же словами он гнал людей в бой, когда князю требовалась красивая победа.

- Они тебя выбирали?
- Стрельцы у стены зашевелились. Яков понизил голос.
- В строю приказы не обсуждают.
- Поэтому я из него вышел.
- Тебя выгнали.
- После того как я не исполнил приказ.

Яков протянул руку.

- Дай сюда.

Глеб позволил ему коснуться рукояти. Сотник потянул, но меч остался на месте, словно зацепился за кость.

- Сильнее, — предложил Савва. — Он, вероятно, уважает убедительность.
- Яков дёрнул ещё раз и отпустил рукоять.
- Это представление Бая.
- Тогда он плохо выбрал главного красавца.
- За решёткой кузнец чуть повернул голову.

У края арены начался спор. Молодой слуга Ло Цзэхая не хотел входить в круг. На его запястье горела красная метка.

— Я не давал клятву. Я нёс оружие хозяина.

— Сопровождающий обязан подтвердить участие, — ответил Чжао.

Слуга попятился.

— Я ухожу.

Метка вспыхнула. Страж арены выхватил саблю. На шее появился белый знак приказа.

— Остановить отказавшегося, — прочёл писец.

Страж пошёл вперёд. Слуга поднял пустые руки.

— Я без оружия.

Сабля ударила сверху.

Глеб подставил Безмолвный. Лезвия встретились без звона. Страж надавил. Белый знак заставлял тело продолжать движение, хотя в глазах человека был страх. Он не хотел рубить безоружного, но рука уже снова поднималась.

Глеб повернул тупой клинок и коснулся им знака.

Печать разошлась без вспышки. Она перестала связывать приказ с рукой. Сабля выпала из пальцев стража. Тот отшатнулся и тяжело вдохнул.

Слуга остался жив. Безмолвный не оставил на коже стража царапины.

В зале стало тихо.

Ли посмотрела на кромку.

— Он режет связь.

— Только навязанную?

— Страж не хотел убивать. Печать заставляла его исполнить приказ.

Яков поднял саблю и протянул стражу.

— А если бы хотел?

Глеб посмотрел на дрожащего слугу.

— Тогда меч оставил бы нас разбираться самим.

Ло потребовал вернуть слугу. Чжао принял решение без возражений: после разрыва приказа право на наказание исчезло вместе с печатью.

За решёткой раздался скрежет. Бай открыл внутреннюю дверь, но пока не вышел.

Чжао велел принести реестр.

— Владелец Безмолвного должен назвать условие участия.

Глеб положил меч на плечо.

— Принимаю клинок временно, чтобы цена отказа не легла на моих спутников. Через девять дней выхожу вместе с ними.

— Выход возможен по решению хозяина.

— Мне не нужно его решение. Мне нужно право.

— Кузница не выдаёт разрешение заранее.

— Тогда клинок останется на полу.

Белые метки снова появились на руках Ли и Саввы. Глеб опустил меч, но пальцы не разжал.

Мэй Жоу вышла вперёд.

— Запишите отзывное владение на девять дней. После срока владелец вправе потребовать расчёт цены и покинуть круг, если цена названа письменно.

— Торговый союз не определяет правила кузницы, — сказал Чжао.

— Но умеет замечать сделку без выхода.

Хоу Лян поправил рукав.

— Если хозяин подпишет, условие станет законным.

— Хозяин слушает, — сказала Ли.

Бай Тешань вышел к арене.

Он был старше, чем ожидал Глеб. Седые волосы были обрезаны до плеч. Правую руку закрывала прожжённая перчатка. На груди висел молот с клеймом семи лезвий.

Ли не поклонилась.

— Мой клан объявил тебя мёртвым.

— Твой клан часто путал удобную запись с правдой.

— Подпишешь выход через девять дней? — спросил Глеб.

Бай посмотрел на Безмолвный.

— Если владельцы доживут до расчёта, цена будет названа каждому.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Тогда запиши, что я принимаю меч ради людей, вошедших под моим именем.

Чжао внёс условие в реестр. Бай поставил рядом клеймо молота. Белая линия замкнула запись.

Яков шагнул вперёд.

— Русский отряд не признаёт Воронца владельцем.

— И правильно делает, — сказал Глеб. — Я ими не владею.

— Клинок представляет русскую долю.

— Пусть представляет себя.

Бай впервые внимательно посмотрел на Глеба. Его взгляд задержался на шраме у виска, затем спустился к руке с Безмолвным.

— Меч не выбирал русскую долю, сотник Неждан.

— Тогда кого он выбрал?

Бай подошёл ближе. Ли встала рядом с Глебом, но не закрыла его.

— Не Воронца, — сказал кузнец. — Безмолвный узнал сосуд северо-западной линии.

Ли резко повернулась к Баю. Под рубахой у Глеба отозвался ожог, оставленный воронцами, запись в реестре потемнела по краям, а тупой клинок стал тёплым. Яков нахмурился, не понимая слов, но уловив их вес. Чжао прикрыл ладонью запись, словно опасался, что имя Глеба попытаются вырвать из книги вместе со страницей.

— Какая ещё линия? — спросил Глеб.

— Та, ради которой этот клинок оставили без хозяина, — ответил Бай.

Глава 5. Семь владельцев

К вечеру Безмолвный успел дважды опрокинуть миску Глеба. На третий раз Савва переставил котелок подальше и заявил, что русская доля больше не получит добавки.

— Меч хороший, — сказал он. — Уже защищает еду от владельца.

Глеб положил тупой клинок рядом.

— Что значит сосуд северо-западной линии?

Ли Шэньюэ размяла онемевшие пальцы.

— Пока не знаю.

— Бай знает.

— Поэтому мы идём на приём.

Кузнечный зал стоял за ареной. По стенам шли жаровые каналы, а длинный стол разделили низкими перегородками. Владельцы сидели каждый со своей стороны, но слышали соседей. Бай Тешань вошёл последним и остался у печи.

— Завтра вы подпишете гостевую клятву, — сказал он. — Сегодня назовите право, которое защищаете, и цену, которую готовы принять.

— Цена уже есть, — ответил Глеб. — Вы просто держите её при себе.

Бай посмотрел на Ли.

— После приёма останься.

Она кивнула. Глеб заметил это, но промолчал.

Первым подошёл Гэру Сайхан. Железный Указ висел у него на поясе. Двое воинов остановились за его спиной на одинаковом расстоянии.

— Русский владелец не подчиняется русскому сотнику, — сказал Гэру через Савву. — Это нарушение порядка?

— Это отсутствие порядка, — ответил Глеб.

Ли спросила:

— Что кузница обещала вашему дому?

— Право охранять северные дороги.

— Вчера ваш воин не смог отступить от учебного приказа. Если Железный Указ станет правилом дороги, отступление признают изменой.

Гэру положил ладонь на рукоять.

— Дом пережил войну, потому что люди стояли.

Он говорил правду. Его воин смотрел на него без страха. Долг удерживал людей вместе, но клинок отнимал у них право решить, когда цена стала неприемлемой.

— Оружие после победы получит ваш дом? — спросила Ли.

— Так обещал Бай.

— Мне обещали то же самое, — отозвался Тогон Саруул.

На лбу у него остался синяк после вчерашнего удара о столб. Ветер Погони он нёс на плече.

— Мне не нужны дороги, — сказал Тогон. — Нужен свободный путь через Алтай.

— Без застав?

— И без чужой дани.

— Если заставы откажутся?

— Догоним их хозяев.

Глеб посмотрел на синяк.

— Меч хорошо догоняет столбы.

Тогон рассмеялся.

— Зато теперь я знаю, что столбы бегают плохо.

Он предложил Глебу держаться рядом на испытании. Безмолвный мог разрывать приказы, Ветер Погони — сокращать путь.

— Я стараюсь уйти от владельцев мечей, — сказал Глеб.

— Значит, у нас одна цель.

Тогон ушёл легко, но его люди у входа измеряли двор шагами. Свобода их хозяина требовала, чтобы остальные уступили дорогу.

Ло Цзэхай ждал возле жарового канала. Красная Клятва лежала в ножнах. Слуга, которого Глеб спас на арене, стоял рядом.

— Он решил остаться сам, — сказал Ло, заметив взгляд Ли.

Слуга показал ожог на запястье и кивнул.

— Зачем вам победа? — спросила Ли.

Ло вынул табличку с именами погибших.

— Хоу Лян служит власти, которая вырезала мою семью. Белый Указ защищает виновных бумагой.

Клинок нагрелся в ножнах.

— Вчера Красная Клятва направила вас на писца, — напомнила Ли.

— Писцы держат больше крови, чем палачи.

— Этот не подписывал приговор.

Ло убрал табличку.

— Когда найду подписавшего, меч не ошибётся.

Клинок обещал ему память без сомнения. Ли не стала доказывать, что такая память быстро превращает любого встречного в должника мёртвых.

Мэй Жоу сама налила чай и пододвинула чайник ближе, чтобы Ли увидела печать на крышке.

— Что обещали вам? — спросила Ли.

— Возврат старых долгов по северному пути.

— Гэру получил те же дороги, а Тогон — право пройти по ним без платы.

— Бай продаёт одну лошадь нескольким покупателям. Победитель узнает, досталась ли ему лошадь или право спорить о ней.

Мэй отпила чай.

— Вы нашли наш знак на сборщике белых обломков.

Глеб перестал вертеть пустую чашку.

— Он умер от печати молчания, — сказала Ли.

— Он работал по младшему договору. Мой дом не приказывал ему умирать.

— Но дал право собирать Белый Порох.

— Всё становится товаром, когда второй человек узнаёт цену.

Ли положила на стол завернутый обломок.

— Назовите покупателя.

— Сначала скажите, как заряд лишает печать основания.

— Полной формулы у меня нет.

— Тогда обменяем неполную правду.

Мэй развернула ткань, не касаясь металла.

— Пепел старых печатей поступает в кузницу двумя караванами. Часть порошка уже вывезли. Покупатель отмечен красным знаком, имени в накладных нет.

— Сколько продали?

— Для войны мало. Для испытания хватит.

— Кто оформлял договор?

— Чжао Дин проводил запись. После турнира дайте мне доступ к вашему реестру нарушений, и я покажу накладные.

— У меня нет реестра.
— Будет, если примете предложение Бая.
Ли не показала удивления.
— Доступ только к записям о Белом Порохе. Без имён свидетелей.
Мэй протянула деревянную бирку. Ли поставила на ней знак согласия.
— Вы быстро торгуетесь, — заметила Мэй.
— Вы медленно соглашаетесь.
Глеб встретил Ли у перегородки.
— Какое предложение?
— Сначала закончим обход.

Он нахмурился, но пошёл рядом. Ли назвала своё молчание профессиональной осторожностью. Название было удобным.

Цзянь У сидел у открытого окна. Пустое Сердце лежало на коленях, а повязка на плече снова промокла кровью.

— Вам нужен Савва, — сказала Ли.
— Боль не мешает.
— Телу мешает.
— Тело заживёт или нет.
— Ваш клинок уже выбрал второй ответ?

Монах посмотрел на оружие.

— Страх заставляет защищать то, что стало цепью. Пустое Сердце освобождает от страха.
— Вчера оно потребовало доказать свободу собственной смертью.
— Я поднял меч сам.
— Желание тоже было вашим?

Цзянь У провёл пальцем по ножнам.

— Я пришёл уничтожить семь клинков после победы.
— Бай знает?
— Он уверен, что к концу турнира я передумаю.
— А вы?

Монах слабо улыбнулся.

— Если отвечу сейчас, клинок услышит раньше меня.

Ли поднялась. Самообладание Цзянь У было настоящим. Пустое Сердце лишь доводило его до места, где будущего уже не требовалось.

Хоу Лян ждал у двери внутреннего зала. Рядом стоял писец с лакированным футляром.

— Канцелярия рада, что клан Ли снова участвует в законной процедуре, — сказал Хоу.
— Моего клана больше нет.
— Закон сохраняет права рода после смерти его членов.
— Особенно когда ими можно пользоваться без согласия мёртвых.

Хоу открыл футляр. Внутри лежал приказ с государственной печатью.

— Победитель получит право зарегистрировать единую военную печать. Она защитит войска от незаконных мастеров.

Ли прочитала нижнюю строку. Результат турнира заранее признавался достаточным свидетельством безопасности.

— Комиссия уже утверждена?
— Государство готовится заранее.
— Оружия ещё нет.
— Турнир докажет пригодность владельца.
— Он докажет только способность подчинить клинок своей цели.

Хоу сложил руки за спиной.

— Обычный солдат бессилен перед родовой печатью. Единое правило даст ему защиту. В его словах была правда Бая. Разница заключалась в хозяине оружия.

— Кто подпишет первый мандат? — спросила Ли.

— Победитель.

— Одно имя примет цену, а приказ исполняют тысячи.

— Ответственность должна иметь имя.

— На казни это особенно удобно.

Хоу выдержал её взгляд.

— Ваш клан пользовался тем же принципом, пока имя принадлежало ему.

Ли вернула приказ. Канцелярия не ждала результата. Она заранее превратила турнир в процедуру легализации будущего оружия.

Глеб и Савва стояли у жарового канала. Ли рассказала им о приказе.

— Победителя уже признали безопасным, — сказал Савва. — Удобно. Можно не портить бумагу настоящей проверкой.

— Всем владельцам обещали разное, — добавила Ли. — Исполнить все обещания невозможно.

Глеб напомнил:

— Теперь — предложение Бая.

В этот момент Чжао Дин ударил в малый гонг и пригласил Ли во внутренний зал.

— После разговора, — ответила она.

— Мэй знала раньше меня.

— Мэй покупает сведения о дверях до того, как хозяева решают их открыть.

Глеб взял Безмолвный.

— Я пойду с тобой.

— Бай хочет говорить о суде. Если войдёшь, он снова переведёт разговор на северо-западную линию.

— Ты уже решила принять?

— Я решила выслушать.

— Это разные вещи, пока ты не поставила знак.

Ли вошла одна.

На столе лежала овальная пластина из тёмного нефрита. Серебряная линия делила её надвое. Такие судейские знаки хранились в оружейной ветви клана Ли.

Бай грел у печи повреждённую руку.

— Ты сохранил знак моего клана, — сказала она.

— Я сохранил инструмент.

— Для чего?

— Чтобы турнир не превратился в бойню до первого испытания.

— Клинки уже отнимают у владельцев меру.

— Я разделил одну силу между качествами, которыми правят государства. Долг становится приказом. Свобода — погоней. Память требует мести. Расчёт превращает жизнь в стоимость. Самообладание ведёт к отказу от себя. Закон убирает личную ответственность.

— Безмолвный?

— Хранил право отказа.

— Почему клинки искажают полезное?

— Потому что владельцы хотят результат без сомнения.

Бай подвинул пластину.

— Стань техническим судьёй. Только ты способна прочитать все семь условий.

— Судья обязан молчать о нарушении до конца турнира.

— Иначе стороны начнут подстраиваться под проверку.

— Значит, я увижу ловушку и не смогу предупредить человека, который в неё войдёт.

— Ты сможешь остановить испытание по процедуре. Получишь доступ к формулам и нижним залам.

Ли посмотрела на знак. Без него ей оставались обломки и чужие слова. С ним она могла найти источник Белого Пороха.

— Я принимаю знак только с личным реестром. Записи принадлежат мне.

— Разглашать их до завершения нельзя.

— После завершения я передам копии свидетелям по своему выбору. Формулы после моей подписи не меняются.

Чжао внёс условия в лист. Бай поставил клеймо молота.

— Принимай.

Ли положила ладонь на нефрит. Серебряная линия связалась с её именем. За дверью Глеб резко выругался.

Она перевернула знак. По краю шла мелкая запись: судья не вправе помогать связанному владельцу в официальном испытании. Ли могла говорить с Глебом до начала и лечить после, но не могла входить в круг или менять действующую печать.

— Ты должен был назвать цену, — сказала она.

— Условие написано на знаке.

— После принятия я связана.

— Судья не может быть помощником одной стороны.

— Глеб не мой владелец.

— Врата записали вас общей стороной.

Ли сжала пластину. Она получила доступ к кузнице и потеряла право помочь Глебу там, где Белый Порох или Безмолвный могли потребовать немедленного вмешательства.

— Поэтому ты выбрал меня.

— Я выбрал судью, которому владельцы ещё поверят. Твоя связь с Глебом делает цену видимой.

— Для тебя.

— Для всех.

У двери Глеб рассматривал белую черту на запястье.

— Что подписала?

— Право вести реестр и входить в нижние залы.

— Цена?

— В официальных испытаниях я не могу помогать тебе.

Савва потёр лицо.

— Прекрасно. Один получил меч, который не режет. Другая — право смотреть, как он им пользуется.

Глеб спросил:

— Когда собиралась сказать?

— Сразу после принятия.

— Это называется известить.

Ли хотела напомнить о накладных Мэй и приказе Хоу. Всё это требовало доступа. Но Глеб говорил о другом.

— Без знака мы не найдём, где производят Белый Порох.

— Возможно. Но ты опять решила, что объяснение заменяет согласие.

Он ушёл к выходу. Безмолвный бил его по сапогу при каждом шаге.

Ли осталась у стола. Между ними появилась трещина. Создала её не печать.

Судейский знак нагрелся в ладони. Ли снова перевернула его. Под строкой нейтралитета нефрит был выскоблен. В углублениях сохранилась серебряная пыль.

Она поднесла пластину к жаровому каналу и восстановила первые знаки старой надписи.
Имя открывалось медленно, но ошибиться она не могла.
Ли Чанфэн.

Глава 6. Клятва на девять дней

Утром Безмолвный лежал поперёк выхода. Глеб переступил через него, но меч зацепился ножами за сапог. Пришлось поднять оружие.

— Уже приручил, — сказал Савва. — Скоро начнёт приносить тапки.

— Пусть сначала научится не мешать ходить.

Ли ждала у дороги к главному залу. На груди у неё висел судейский знак. Тёмный нефрит выглядел чужим, хотя когда-то принадлежал её клану. Глеб посмотрел на пластину, потом на неё.

— В испытании ты мне не помогаешь.

— По условиям знака.

— А до начала говоришь всё, что знаешь.

— Всё, что могу подтвердить.

— Вчера ты подтвердила после подписи.

Ли приняла упрёк без ответа. Это немного остудило его, но злость не прошла.

— В следующий раз скажи до того, как решишь за двоих, — добавил Глеб.

— Я решила получить доступ к кузнице.

— И лишила меня твоей помощи. Это тоже часть решения.

Савва прошёл между ними с сумкой переводчика.

— Я рад, что утро началось спокойно. Обычно к такой беседе ещё подают ножи.

Зал семи наковален был вырублен в горе. От общей наковальни расходились семь медных полос, каждая вела к месту владельца.

На столах лежали свитки. Русский текст соседствовал с версией Канцелярии и переводами для остальных сторон. Чжао Дин раздал кисти.

— После сверки каждая сторона подтверждает свою версию. Затем кровь владельцев связывает тексты с общей наковальней.

Савва взял русский свиток и прочёл первые строки. Потом попросил китайскую версию. Через несколько минут он перестал шутить.

— Здесь разные условия поражения.

Хоу Лян даже не повернул головы.

— Смысл един. Отличается порядок слов.

— Порядок слов хорош, когда меняют местами чашки. Здесь меняют живых людей.

Савва положил оба свитка рядом.

— В тексте Канцелярии владелец терпит поражение, если теряет знак и право продолжать испытание. В русском поражение наступает, когда его отряд больше не способен выполнять приказ.

Яков Неждан придвинул свиток.

— Так и должно быть. Отряд без приказа проиграл.

— Дальше лучше, — сказал Савва. — Цена поражённой стороны переносится на связанных людей до полного расчёта. Если Глеб потеряет меч, китайская версия отстранит его одного. Русская будет брать цену с нас, пока не решит, что отряд больше не встанет.

Глеб посмотрел на Чжао.

— Смертью решили заменить длинное слово?

— Русский перевод подготовил ваш писец, — ответил распорядитель.

Яков положил ладонь на стол.

— Писец знал воинский обычай.

— Какой? — спросил Глеб. — Сначала погубить людей, потом назвать это переводом?

Хоу поднял официальный свиток.

— Спор снимается просто. Все стороны принимают текст Канцелярии как основной. Остальные версии служат пояснением.

— Тогда ваша версия получит право решать, что значат наши слова, — сказала Ли.

— Для единого договора нужен единый язык.

— Нужен единый смысл, — ответил Савва. — Язык потом.

— Переводчик не является стороной, — сказал Хоу.

— Зато умрёт по русской версии. Это повышает внимание к мелочам.

У Тогона поражением считалась остановка погони. Люди Ло Цзэхая сохраняли обязанность мстить даже после гибели владельца. Мэй Жоу зачеркнула строку, превращавшую любой расход кузницы в долг её союза.

Бай Тешань наблюдал у дальней наковальни и не вмешивался.

Глеб перевернул русский свиток.

— Читать будем вслух. Каждый текст целиком.

— Это займёт день, — сказал Чжао.

— У нас девять. Один потратим, чтобы остальные не стали последними.

Хоу постучал ногтем по футляру.

— Большинство владельцев не знает всех языков.

— Поэтому нужны свидетели, которые слышат не только ваш перевод.

— Свидетелей назначила Канцелярия.

У стены стояли двое чиновников в белых поясах. Оба держали одинаковые таблички и ждали указаний Хоу.

Глеб кивнул на рабочих у жарового канала. Старший литейщик проверял тягу, а молодая молотобойца меняла треснувший клин под медной полосой.

— Эти подойдут.

Чжао нахмурился.

— Рабочие не имеют статуса сторон.

— Они делали наковальню?

— Да.

— Тогда уже участвуют. Если крепление лопнет, цена пойдёт через их работу.

Хоу ответил:

— Участие в изготовлении не создаёт права толкования.

— Зато создаёт ответственность, — сказала Ли. — Якорь договора держится на их металле. Они знают, где проходит каждая полоса и какой свиток к ней привязан.

Литейщик поднял голову. На щеке у него был старый ожог.

— Нам запрещено вмешиваться.

— Слушай. Если завтра слова изменят, скажешь, что слышал сегодня.

— Меня могут выгнать.

— Могут.

— Хорошо уговариваешь.

— Я не обещал выгоды.

Молотобойца усмехнулась и вытерла руки о передник.

— Я буду слушать. Мне надоело чинить то, что господа называют неизбежным.

Хоу повернулся к Баю.

— Кузница отвечает за безопасность работников.

— Поэтому они вправе знать, что удерживает наковальня, — сказал Бай.

Литейщик посмотрел на хозяина внимательнее. Поддержка не успокоила его. Теперь Канцелярия знала лицо свидетеля.

Глеб отметил это и запомнил. Бай выглядел справедливым, но платили за его справедливость другие.

Савва начал обратный перевод. Он читал русскую строку по-китайски, затем возвращал её на русский простыми словами. В первом переводе Глеб проигрывал, если терял право вести людей. Во втором переводе выходило, что право теряли люди, если переставали идти за ним.

— Похоже, свиток считает командира важнее отряда, — сказал Савва.

— Свиток считает связь единым целым, — возразил Чжао.

— У телеги связь тоже единая. Но если лошадь упала, колесо не обязано умирать из уважения.

Даже Мэй Жоу улыбнулась.

К полудню опасные строки переписали. Поражение теперь означало утрату личного знака, а люди могли уйти, если не принимали новую цену. Хоу потребовал заявлять отказ при свидетелях.

— При тех же, которые слышат договор сейчас, — сказал Глеб.

Чиновник записал литейщика и молотобойцу. Они сразу потеряли прежнюю незаметность.

Бай подошёл к общей наковальне.

— Срок турнира — девять дней с момента кровного признания. Каждый день покажет, способен ли владелец вести людей через военную задачу.

— Значит, вы ищите командира, — сказал Яков.

— Я ищу владельца, который не сломается под чужой целью.

— Для этого хватило бы поединков, — заметил Глеб.

— Поединок показывает, как человек распоряжается собой. Мне нужно увидеть, как он распоряжается подчинением.

Савва посмотрел на медные полосы.

— Семь способов заставить человека идти.

Турнир собирал способы командовать и проверял, можно ли свести их к одному владельцу.

— Выход через девять дней, — напомнил Глеб. — С названной ценой и без разрешения хозяина.

Бай кивнул Чжао. Тот вписал условие в общий текст.

— Владелец вправе потребовать расчёт после девятого дня. До этого выход считается отказом от доли.

— И что будет с людьми?

Чжао замялся на одно дыхание.

— Непринятая владельцем боль распределяется между теми, кто вошёл под его именем.

Глеб подошёл к столу.

— Эту строку вы оставили за краем.

— Она есть в приложении.

— Приложением обычно прикрывают еду от мух.

Яков взял русский свиток.

— Если владелец бросает людей, он обязан отвечать.

— Здесь отвечают люди.

— Они выбрали идти за ним.

Глеб повернулся к стрельцам у стены.

— Твои выбирали?

Яков шагнул ближе.

— Не вмешивайся в мой отряд.

— Тогда не называй его русской долей, когда меч выбрал меня.

Между ними легла тишина. Безмолвный у пояса Глеба стал тёплым, но он не коснулся рукояти.

Ли сказала:

— Строка допустима только при отдельном согласии каждого связанного человека.

Хоу покачал головой.

— Военный договор не собирают из частных желаний.

— Поэтому военные договоры так любят братские могилы, — ответил Савва.

Бай провёл повреждённой рукой над наковальней.

— Правило останется. Владелец не должен уходить без цены. Но Глеб может ограничить круг людей, принимающих его долю.

— Все, кто вошёл со мной, исключаются, — сказал Глеб.

— Тогда русская доля будет слабее остальных, — предупредил Чжао. — Система не сможет передавать твою волю отряду.

— Переживу.

Яков усмехнулся.

— Без строя ты проиграешь в первый день.

— Зато не утащу строй за собой.

Чжао внёс поправку. Белая черта на русском свитке потускнела. На поясе Якова погас знак, связывавший его отряд с долей Безмолвного. Сотник посмотрел на пустую пряжку.

— Ты ослабил всех русских.

— Я убрал у кузницы право командовать ими через моё имя.

— Они мои люди.

— Вот и отвечай своим именем.

Гэру Сайхан разрезал ладонь Железным Указом. Когда кровь вошла в медную полосу, его воины одновременно опустили руки. Приказ связал строй.

Кровь Тогона распахнула двери порывом ветра. Над свитком Ло поднялись красные имена. Мэй Жоу заставила Чжао назвать цену прежде, чем отдала каплю. Цзянь У сделал порез без колебания. Хоу Лян сначала поставил печать Канцелярии и лишь потом добавил кровь.

Настала очередь Глеба.

Он положил Безмолвный на общую наковальню. Тупой клинок лёг между медными полосами и не отозвался. Глеб надрезал ладонь своим ножом. Кровь упала на металл и собралась в круглую каплю.

Наковальня её не приняла.

— Ещё раз, — сказал Чжао.

Глеб прижал ладонь сильнее. Кровь скользнула по поверхности и упала на пол.

За спиной Яков тихо рассмеялся.

— Даже меч знает, что ты не командир.

Безмолвный дёрнулся. Белый знак на пряжке Якова распался окончательно.

— Он тебя услышал, — сказал Савва. — Видимо, не согласен.

Ли подошла к границе судейского круга. Пересечь её она не могла.

— Остальные клинки приняли кровь вместе с правом владельца вести людей. Безмолвный не признаёт такое право без ограничения.

— Какого?

— Скажи, почему твои люди должны исполнять приказ.

Глеб посмотрел на Савву. Тот стоял свободно, без оружия в руке. Юнь-Су наблюдала от двери. Ли держалась за судейский знак, который запрещал ей вмешиваться, но не скрывала тревоги.

— Не должны, — сказал Глеб.

Чжао нахмурился.

— Формула требует ясного условия.

Глеб положил окровавленную ладонь на тупой клинок.

— Каждый, кто вошёл под моим именем, вправе отказаться от моего приказа. За отказ не платит телом, кровью или чужой долей. Если пойдёт за мной, то по собственной воле.

Безмолвный стал холодным. Кровь втянулась в металл и прошла по кромке тёмной линией. Она не дошла до острия, а ушла в гарду, где открылся знак разомкнутого круга.

Русская медная полоса погасла почти полностью.

Чжао посмотрел в реестр.

— Твоя доля получила низший вес. Система считает строй ненадёжным.

— Наконец-то разумная запись.

Яков резко повернулся к своим стрельцам.

— Никому не покидать зал.

Двое мужчин дёрнулись, словно приказ зацепил их за плечи. Но знак на пряжке сотника уже не работал. Один стрелец остался у стены. Второй сделал шаг к выходу и остановился сам.

Глеб не улыбнулся. Право отказа выглядело слабостью лишь до тех пор, пока человек впервые им не пользовался.

Ли встретила с ним взглядом. Его слова не исправляли вчерашнего, но давали ей право на следующий выбор.

Бай поднял молот.

— Клятва принята. Первый день начнётся после полудня.

Он ударил по общей наковальне.

Шесть медных полос вспыхнули. Седьмая осталась тёмной, затем зажглась изнутри. Удар ушёл под пол. Камень дрогнул, из щелей посыпалась пыль.

Где-то глубоко под ареной загудел воздух. Рабочие у стены побледнели. Литейщик схватился за рычаг жарового канала.

— Седьмая печь, — сказал он. — Её не должны разжигать до финала.

Из-под пола поднялось тепло. Безмолвный отозвался в руке Глеба, а в центре общей наковальни проступило пустое углубление, рассчитанное на восьмой знак.

Бай смотрел не на печь. Он смотрел на Глеба, чья кровь впервые заставила скрытый огонь проснуться раньше срока.

Глава 7. Тупая кромка

Учебный двор русского лагеря был утоптан сапогами и конскими копытами. В центре стоял круг из брёвен, а у стены висел барабан, которым Яков Неждан собирал стрельцов на построение.

Глеб пришёл раньше остальных и положил Безмолвный на колоду. За ночь меч не стал удобнее. Он по-прежнему тянул руку к земле и цеплялся ножами за одежду.

Савва постучал по кромке ложкой и прислушался.

— Звук хороший. Можно звать людей к обеду.

— Убери ложку.

— Берегу оружие. Вдруг оно порежется.

У входа появилась Ли. Судейский знак висел у неё на груди. По договору она могла наблюдать за тренировкой. Пока двор не объявили частью турнира, это оставляло им немного времени.

— Нашла что-нибудь о седьмой печи? — спросил Глеб.

— Она связана с Безмолвным и общим якорем. Дальше запись закрыта подписью Бая.

— А имя Чанфэна?

Ли посмотрела на рабочих, проходивших за оградой, и понизила голос.

— Не здесь.

После вчерашнего разговора между ними осталось неудобное молчание. Продолжать ссору перед русскими они не стали.

Яков вошёл во двор вместе с двенадцатью стрельцами. Один нёс щиты, другой — барабанные палочки. Сотник увидел Ли и нахмурился.

— Судья будет учить нас воевать?

— Судья будет смотреть, — ответила она.

— Тогда пусть стоит дальше. У нас оружие настоящее.

Глеб поднял Безмолвный.

— Кроме моего.

Стрельцы засмеялись. Яков снял кафтан и бросил на ограду.

— Первый день проверит способность владельца вести людей. Начнём с простого. Покажи, что умеет твой меч.

— Ломает печати приказа.

— На войне сначала ломают человека, который отдаёт приказ.

— Поэтому войны долго не кончаются.

Яков взял учебную саблю. Её кромку закрывала кожа, но удар такой полосой мог сломать руку.

— В круг.

Глеб вошёл между брёвнами. Безмолвный лёг в ладонь тяжёлой палкой. Яков поклонился по воинскому обычаю и сразу ударил в висок.

Глеб подставил ножны. Сабля скользнула вниз. Он шагнул ближе, толкнул сотника плечом и попытался зацепить его колено тупой кромкой. Меч не помог. Яков отступил и ударил рукоятью в скулу.

Во дворе одобрительно загудели. Глеб сплюнул кровь и поправил хват.

— Всё?

— Я только проверяю, умеешь ли ты падать.

Второй удар пришёл снизу. Глеб отвёл его гардой, перехватил запястье Якова и бросил сотника через бедро. Яков перекатился, вскочил и рассёк ему рукав.

Безмолвный не отозвался ни теплом, ни холодом. Яков атаковал по собственной воле. Мечу нечего было разрывать.

— Железо тебя не слушает, — сказал сотник.

— Зато ты стараешься за двоих.

Яков ускорился. Он знал службу Глеба и помнил, как тот уходит от прямого удара. Сабля пошла в плечо, но в последний миг изменила путь. Кожаная кромка ударила по пальцам.

Безмолвный выпал на землю. Яков поставил сапог на ножны и отвёл саблю к плечу.

— Отдай меч русскому лагерю. Я найду человека, который сможет им пользоваться.

— Начни с того, кто поднимет.

Сотник наклонился. Рукоять не сдвинулась. Стрельцы замолчали.

Глеб толкнул Якова коленом, подобрал меч и прижал тупую кромку к его горлу. Сотник замер, но не отвёл взгляда.

— Кожа цела, — сказал Глеб. — Значит, победила сабля.

— В бою ты был бы мёртв.

— В бою я взял бы топор.

Яков махнул барабанщику. Барабанный ритм прокатился по двору. Стрельцы подняли бердыши и пошли двумя рядами, меняясь после каждого третьего удара. Сотник показывал строй, который умел давить одного человека.

Глеб отбил древко, ушёл от второго и получил прикладом под рёбра. Безмолвный оставался тяжёлым. Все нападали добровольно.

Барабан ускорился. Молодой стрелец в заднем ряду сбился и наступил на ногу соседу. Яков ударил палочкой по ободу.

— Ритм держать!

Белый знак вспыхнул на ремне барабана. Ноги молодого стрельца сами подстроились под удары. Он побледнел, но продолжил шагать, хотя левое колено дрожало.

Безмолвный стал холодным. Глеб пропустил бердыш над плечом и коснулся тупой кромкой белой линии. Знак лопнул. Стрелец вывалился из строя и упал на одно колено.

Передний ряд сбился. Один бердыш задел другой. Глеб вышел из круга между древками и опустил меч.

— Вот что он делает.

Яков посмотрел на разорванный ремень барабана и на молодого стрельца.

— Ты снял общий ритм с одного человека и разрушил строй.

— Ритм ломал ему колено.

— На войне строй не ждёт больного.

Молодой стрелец поднялся, опираясь на бердыш, и выпрямил больную ногу.

— Сотник, я мог идти.

— Ты шёл, потому что печать двигала ногу, — сказал Глеб.

— И дошёл бы.

— До первой ямы.

Яков бросил палочки барабанщику и обвёл людей взглядом.

— Люди видели. Твой меч помогает выйти из строя. Канцелярия верно дала тебе низший вес.

Часть стрельцов одобрительно загудела. Они боялись, что сосед уйдёт в момент, когда его плечо нужнее всего. Глеб понимал этот страх, но цепь не становилась лучше от того, что называлась строем.

— Ещё раз, — сказал он. — Без барабана.

— Командовать будешь ты?

— Если согласятся.

Яков усмехнулся и повернулся к стрельцам.

— Слышали? Теперь приказ просит разрешения.

Глеб дождался, пока смех стихнет, и повернулся к стрельцам.

— Мне нужны шесть человек. Остальные смотрят.

Сначала не вышел никто. Затем молодой стрелец с большим коленом шагнул вперёд. За ним двинулись ещё двое. Савва поднял руку.

— Я тоже согласен, если мне дадут место подальше от железа.

— Ты будешь считать.

— Тогда мне придётся считать не раненых, а ваши ошибки.

Наконец набралось шесть. Яков остался у барабана.

Глеб поставил троих у бревна. Ещё двое стали за ними. Молодого стрельца он отвёл вправо.

— Ты связной.

— Я умею работать бердышом.

— Сегодня будешь передавать отмену приказа.

Стрелец поморщился и перехватил бердыш другой рукой.

— Обычно связной передаёт приказ.

— Поэтому отмена приходит поздно.

Глеб показал короткий манёвр. Передний ряд должен был шагнуть к щиту, задний — закрыть левый край. По слову «назад» все возвращались. Любой мог отказаться, но обязан был сразу назвать причину, чтобы сосед занял место.

— Пока объясним, нас зарубят, — сказал широкоплечий стрелец.

— Говори одним словом. Нога, рука, путь. Этого хватит.

— А если испугался?

— Скажи «страх».

По двору прошёл смешок, но люди слушали внимательнее.

— За такое раньше били, — заметил стрелец.

— Поэтому люди вали про ногу.

Глеб дал команду. Передний ряд двинулся. Левый стрелец поскользнулся на песке и сказал:

— Нога.

Связной повторил слово. Человек из заднего ряда занял его место. Строй потерял шаг, но щит остался закрыт.

— Медленно, — сказал Яков.

— Зато никто не упал под соседа.

Они повторили. На третий раз связной успел передать отмену раньше, чем Глеб закончил движение рукой. Бердыши разошлись и снова сошлись без удара древками.

Безмолвный стал легче. Глеб почувствовал это сразу. Рукоять больше не тянула кисть вниз. Когда строй принимал отказ и сохранял форму, оружие отзывалось.

Ли стояла у ограды и следила не за людьми, а за знаком на гарде. Разомкнутый круг светлел при каждой удачной замене.

Яков тоже заметил перемену и указал на молодого стрельца.

— Убери связного. Проверим быстрее.

— Он остаётся.

— Ты прячешь слабого в безопасное место.

— Использую то, что он заметил первым.

Молодой стрелец расправил плечи. Глеб велел пройти между щитами, пока Савва бросал мешочки с песком.

Савва бросил мешок и попал Глебу в спину. Стрельцы снова засмеялись.

— Враг действует коварно.

— Враг плохо целится.

— Это часть коварства.

Люди засмеялись, и напряжение ушло. Манёвр стал быстрее.

Яков взял тяжёлый шест и проверил ладонью конец древка.

— Теперь настоящий нажим.

Он встал против строя и ударил в щит. Передний стрелец выдержал. Второй удар пришёл в край. Глеб приказал смену.

Широкоплечий стрелец из заднего ряда шагнул вперёд, но увидел, что Яков поднял шест для удара в голову.

— Отказываюсь.

Строй замер. Яков опустил шест и посмотрел на бойца.

— Причина?

— Приём опасный. Шлема нет.

— В бою враг не выдаёт шлем.

— На учении врагом командует свой сотник.

По лицу Якова прошла злость, но он удержал её и опустил шест к земле.

— В строй больше не встанешь.

Глеб шагнул между ними и забрал у стрельца щит.

— Он назвал причину по правилу.

— Он отказался прикрыть товарища.

— Товарищ услышал отказ и успел поднять щит.

— Сегодня успел. Завтра погибнет.

— Завтра получит шлем.

Яков посмотрел на остальных и поднял голос.

— Так выглядит его порядок. Каждый решает, когда приказ удобен.

— Нет, — сказал Глеб. — Каждый отвечает за отказ и сразу сообщает о нём. Это лучше человека, который делает опасную глупость молча.

— Ты не построишь из них отряд.

— Мне нужен строй, который не развалится после первой ошибки.

Широкоплечий стрелец ожидал наказания. Глеб забрал у него бердыш.

— Встанешь рядом со связным. Следи за опасным приёмом и отменяй движение до удара.

— Это награда за отказ? — спросил Яков.

— Работа за полезное решение.

Семеро ушли с Яковым к казарме. Четверо остались у ограды. Остальные пока не выбрали сторону.

— Первый день ещё не начался, — сказал Яков. — Когда печь потребует настоящую цену, твои разговоры кончатся.

— Тогда и проверим.

Яков остановился у выхода и обернулся.

— Русские пришли сюда не учиться отступать.

— Научи их возвращаться живыми.

Сотник ушёл. Барабанщик снял повреждённый ремень и понёс его следом.

Глеб опустил на колоду. Пальцы болели после ударов Якова. Савва осмотрел скулу и приложил к ней мокрую тряпку.

— Плохо, — сказал он.

— Сломано?

— Нет. Значит, будешь спорить дальше.

Ли подошла, когда двор опустел, и провела пальцем над знаком на гарде.

- Безмолвный меняет вес, если группа сохраняет действие после отказа.
- Видел.
- Ты построил боевой круг без общей печати.
- Построил медленно.
- Скорость можно увеличить. Право отзыва убрать труднее, если люди к нему привыкли. Глеб посмотрел на судейский знак и убрал мокрую тряпку со скулы.
- Ты уже говоришь как судья.
- А ты как командир.
- Не оскорбляй.
- Ли коснулась ножен Безмолвного, но не рукояти. Знак на гарде уже погас.
- Яков прав в одном. Право отказа может разрушить строй.
- Приказ тоже.
- Поэтому у тебя получается. Ты не считаешь свой способ безошибочным.

Глеб хотел спросить об имени Чанфэна. У казармы стоял человек Якова и делал вид, что чинит ремень.

- Вечером, — сказал Глеб.

Ли заметила наблюдателя и отступила от ограды.

- Вечером.

Он принёс меч в казарму и сел у окна. Савва ушёл к раненым, а Юнь-Су ещё не вернулась с поисков пути к нижним залам.

Глеб осмотрел рукоять. Кожа была стёрта у гарды. Под ней прощупывался твёрдый выступ. Он поддел край ногтем, но в коридоре прошли сапоги.

Дверь открыл Яков. Он вошёл без приглашения и остановился у порога.

- Вечером собираю русских. Ты придёшь.
- Зачем?
- Люди должны решить, кого слушать на испытании.
- Они уже могут решать.
- Тогда не бойся прийти.

Глеб положил меч на колени, закрывая выступ ладонью, и кивнул.

- Приду.

Яков задержал взгляд на рукояти, потом вышел. Глеб не стал вскрывать тайник. Если сотник следил за мечом, лучше было оставить ему смутное подозрение вместо настоящей находки.

Ночью казарма затихла. За стеной дважды прошёл часовой. Глеб проснулся от лёгкого щелчка.

Безмолвный лежал рядом. Из рукояти выдвинулась костяная пластина длиной с палец. На её поверхности шли прорези, похожие на каналы пороховой формы.

Глеб поднёс пластину к углям. Семь линий сходились у пустого круга. Рядом была вырезана половина формулы, которую Ли нашла на белом заряде.

Вторая половина оставалась внутри рукояти. Глеб провёл ногтем по краю пластины, но она не поддалась.

Глава 8. Схема в рукояти

Пластина вышла из рукояти после первого добровольного отказа; другого условия Глеб не нашёл. Судейская мастерская закрывалась изнутри на медный засов. Ли заперла дверь, закрыла ставни и положила на стол три нефритовые пластинки. Глеб стоял у стены с Безмолвным. Из рукояти торчал край костяной вставки.

— Она вышла сама?

— После тренировки. Ночью щёлкнула и показалась.

— Ты трогал надпись кровью?

— Нет. Я ещё помню, что бывает, когда трогаю незнакомые печати кровью.

Савва поставил лампу.

— Разумный подход. Жаль, что появился так поздно.

Ли сняла судейский знак и накрыла его чашей. Пластина была связана с реестром кузницы. Если Бай следил за знаком, сейчас он видел лишь знак, застывший на одном месте.

— У нас мало времени, — сказала она. — Перед первым испытанием Чжао проверит мастерские.

— Он всегда приходит ночью? — спросил Савва.

— Распорядители любят проверять то, что не успели запретить днём.

Глеб положил Безмолвный на войлок. Под кожаной оплёткой Ли нашла два шва. Меч хранил запись слоями, и при неверном порядке надписи менялись местами.

— Не вытаскивай пластину до конца, — сказала Ли. — Она связана с соседней.

— Значит, меч опять выбрал неудобный способ разговора.

— Он не разговаривает.

— Тогда неудобно молчит.

Савва сел напротив и достал бумагу.

— Что писать?

— Только смысл. Ни одного полного знака.

— Чтобы потом мы втроём спорили, кто записал хуже?

— Чтобы один человек не унёс всю формулу.

Глеб посмотрел на неё.

— После чтения сожжём.

— Сначала поймём, сколько зарядов уже сделано и как им противостоять.

— Мы видели, как противостоять. Не стоять рядом с печатью, в которую стреляют.

— Белый Порох вышел за кузницу. Мэй подтвердила продажу. Если уничтожим единственную схему, обычные люди останутся без защиты.

— Если сохраним, обычные люди получают больше выстрелов.

По тому, как Глеб сжал край стола, Ли поняла: он видел в схеме оружие против города. Она же видела мастеров, которые снова объявят защиту своей привилегией.

— Читаем, — сказала она. — Решение примем после.

Она закрепила рукоять зажимами. Кровь использовать было нельзя: родовой след Ли мог перестроить запись для её клана. Первый шов поддели конским волосом.

Костяная пластина вышла на ширину ногтя. Под ней показалась вторая, покрытая серым налётом.

— Пепел, — сказал Савва.

Ли поднесла нефрит. На камне проявился разрушенный круг.

— Пепел печати.

— Любой?

— Нет. Только от правила, которое признало своё уничтожение.

— Печать ещё и согласиться должна? — спросил Савва.

— Иначе останется зола. Белый Порох питается следом права.

— Значит, правило надо убить по правилам, — сказал Глеб.

Он читал внешние прорези, Савва — отражение линий в чаше, Ли — связи между слоями. Формулу целиком не видел никто.

На первой пластине стояли кузнечные обозначения веществ, способных на один вдох убрать признанную основу. Ли узнала два, но не произнесла их названий.

— Здесь нет пропорций, — сказал Савва.

— Они на другом слое. Не ищи.

— Я и не ищу. Моё любопытство дорожит пальцами.

Глеб наклонился ближе.

— Что делает пепел?

— Даёт заряду память о разрушенном правиле. Без него вспышка ослепит и обожжёт, но печать не откроется.

— А первая часть?

— Создаёт пустой промежуток. Очень короткий.

Ли сдвинула волос. Вторая пластина повернулась сама, и знак пепла оказался рядом с отметкой свидетеля.

— Она двигается, — сказал Савва.

— Не касайтесь стола.

Пластины снова сместились. На краю выступила капля крови, хотя никто не делал пореза. Ли подняла правую руку. Старый надрез на пальце открылся под кожей, и кровь прошла по невидимой нити к рукояти.

— Твой судейский знак, — сказал Глеб.

Под чашей нефрит нагрелся. Связь с кланом перестраивала запись для Ли. Глеб прижал чашу к столу.

— Что делать?

— Не давать знаку повернуться.

— Очень полезный совет.

Савва подsunул под чашу деревянную ложку и заклинил её.

— Теперь судья сидит смирно. Редкий случай.

Ли обмотала палец шёлком. Первая строка ушла внутрь рукояти, а наружу вышел знак запуска: ладонь над пустым кругом.

— Свидетель, — сказала она. — Заряду нужен человек, который признает момент разрыва.

— Стрелок? — спросил Глеб.

— Не обязательно. Тот, кто подтверждает: прежнее правило на один вдох не действует.

Савва прочитал отражение и покачал головой.

— Здесь ещё одно место. После свидетеля.

Ли придвинула лампу. Последняя ячейка была пустой. Вокруг неё шли две несовместимые линии. Одна обозначала право войти, другая — право ничего не признавать.

Глеб посмотрел на костяную пластину и понял раньше Саввы.

— Пустая кровь.

Ли не любила это название. Так называли людей, чья кровь не принимала родовой приказ полностью.

— Формула не завершена без живого носителя, — сказала она. — Порох открывает пустой контур. Носитель заполняет его правом, которое печать не может согласовать с собой.

— Моим правом?

— Твоя кровь уже ломала связь между именем и правилом. Белый заряд на перевале мог сработать без тебя, но против сильной печати ему нужен источник несовместимого условия.

Глеб убрал руку от рукояти.

— Значит, Бай сделал оружие под меня.

— Схема могла ждать другого носителя той же линии.

— Он назвал меня сосудом.

— Бай знает больше, чем говорит. Это не доказывает, что он начал проект.

Савва перечитал запись.

— Вещество открывает место. Пепел приводит старое право. Свидетель отмечает миг.

Кровь приносит новое правило.

— Не записывай одной строкой.

Он разорвал лист.

— Теперь это четыре плохих объяснения.

Глеб поднёс первый клочок к лампе.

— Сжигаем.

Ли закрыла огонь ладонью.

— Нет.

— Ты сама сказала, что формулу можно собрать из частей.

— Мы не знаем, как закрыть пустой контур после выстрела. Если Канцелярия получит заряды, нам понадобится защита.

— Для защиты тебе нужен рецепт?

— Мне нужен способ сделать пепел бесполезным или лишить заряд свидетеля.

— А пока ты ищешь, Бай изготовит ещё.

Глеб не повышал голос. Он боялся, что она снова решит за остальных и сообщит цену позже.

— Я не отдам схему Баю.

— Ты уже работаешь под его знаком.

— Под знаком моего клана.

— Который носил Чанфэн.

Имя брата ударило точнее обвинения. Ли посмотрела на судейский знак под чашей.

— Поэтому я должна узнать, что он делал здесь.

— Это причина остаться. Не причина хранить оружие.

Савва поднял ладонь.

— Предлагаю не убивать друг друга до испытания. Иначе Бай обидится, что всё прошло без правил.

Ли собрала обрывки.

— Разделим. Один фрагмент у тебя, один у Глеба, один у меня. Связи между ними запомним, но не запишем.

— А четвёртый? — спросил Савва.

— Уничтожим.

Глеб посмотрел на пластину в рукояти.

— Самую опасную часть.

— Источник пустоты не запишем. Он живой.

— Очень утешает.

Ли сожгла лист со знаком носителя. Бумага свернулась, и пепел упал в чашу с водой. Остальные части они сложили отдельно. Глеб спрятал свою под подкладку ножен. Савва зашил лист в край сумки. Ли вставила свой в полость судейского знака.

Она уже собиралась вернуть костяные слои, когда за дверью скрипнула доска.

Глеб погасил лампу. Савва накрыл меч войлоком. Ли сняла чашу с судейского знака и надела его на грудь.

В дверь постучали трижды.

— Проверка мастерской, — сказал Чжао Дин.

За его спиной слышались шаги охраны.

Ли приоткрыла дверь.

— Сейчас ночь.

— Кузница работает и ночью.

— Я прекратила.

Чжао посмотрел на тёмную комнату.

— Тогда впусти охрану. Бай приказал проверить судейские помещения перед испытанием.

Глеб стоял за дверью с рукой на рукояти ножа. Разобранный Безмолвный лежал под войлоком, но костяная пластина торчала наружу. Если охрана увидит тайник, Бай узнает об их чтении.

Чжао перевёл взгляд на Ли и едва заметно коснулся пальцем своей бирки. На ней был знак имущества.

— В мастерской есть предметы, принятые под личную ответственность судьи?

Ли поняла.

— Есть. Их проверка требует моего присутствия и письменного основания.

— Основание у меня.

Он протянул дощечку. Текст разрешал осмотр помещения, но не личного судейского имущества.

Ли открыла дверь шире.

— Помещение можете проверить. Стол и всё на нём входят в мой рабочий реестр.

Старший охранник попытался пройти к столу. Судейский знак вспыхнул. Воздух сжал его запястье и отвёл руку в сторону.

— Она скрывает оружие владельца, — сказал он.

— Владелец находится внутри? — спросил Чжао.

Глеб вышел из тени.

— Нахожусь.

Охранники взяли за мечи.

Чжао вздохнул.

— Тогда это закрытое совещание владельца с судьёй до начала испытания. Разрешено договором.

— В судейской мастерской? — спросил старший.

— Место не ограничено. Вы сами вчера отклонили мою поправку.

Савва показался из-за ширмы с кружкой.

— Я свидетель.

— Чего?

— Пока проверки. Но ночь ещё длинная.

Чжао вошёл первым и закрыл собой стол. Он поднял войлок вместе с Безмолвным и сунул свёрток в пустой ящик для угля. Движение было быстрым и уверенным. Охрана увидела лишь его спину.

— Здесь следы работы с кровью, — сказал старший, заметив каплю на зажиме.

— Судья проверяла связь своего знака, — ответил Чжао. — Это входит в обязанности.

Ли не подтвердила и не опровергла. Чжао взял ответственность за ложное объяснение на себя.

Один охранник поднял чашу с пеплом.

— Что сожгли?

— Мой перевод, — сказал Савва. — Он был опасен для языка.

— Почему?

— Я прочитал его вслух.

Старший поставил чашу и проверил шкаф. Через несколько минут охрана ушла.

Чжао закрыл дверь и достал Безмолвный из ящика. На войлоке осталась угольная полоса.

— Плохое место для меча, — сказал Глеб.

— Хорошее место для предмета, который не должны видеть.

— Почему помог?

Чжао положил свёрток на стол.

— Если Бай хотел, чтобы рукоять вскрыли сегодня, охрана не пришла бы. Если не хотел, мне полезно знать причину.

— Теперь знаешь? — спросила Ли.

— Знаю, что тайник найден. Остальное вы не расскажете.

— Правильно.

Чжао улыбнулся.

— Тогда обмен получился честным.

Он направился к двери, но остановился у судейского знака.

— Не оставляйте меч разобранном. Перед рассветом реестр сверит вес клинков. Недостающий слой отметят как повреждение.

— Ты много знаешь о тайнике, которого не видел, — сказал Глеб.

— Я знаю реестр.

— И умеешь приходить вовремя.

— Это моя работа.

После его ухода Глеб проверил коридор. Савва достал лампу и снова зажёл фитиль.

— Он спас нас, — сказал Савва.

— И теперь знает, где искать, — ответил Глеб.

Ли развернула войлок. Костяные слои лежали в прежнем порядке. Она уже собиралась вставить их в рукоять, но заметила светлую полоску у края второй пластины.

— Не трогайте.

Она взяла увеличительное стекло и поднесла к следу. На старой кости резец шёл с лёгким уклоном влево. Здесь борозда была прямой. Пластину изготовили недавно и подогнали по размеру.

— Подмена, — сказала Ли.

Глеб закрыл дверь на засов.

— Чжао?

— Он не успел бы заменить слой у нас на глазах.

— Значит, раньше.

Савва посмотрел на первую пластину.

— А настоящую уже унесли.

Ли вынула подделку. На обратной стороне осталась пыль от копирования. Часть схемы давно покинула рукоять.

— Какой слой заменили? — спросил Глеб.

— Связь пепла со свидетелем. Тот, кто сделал копию, получил половину запуска.

— Хватит для заряда?

— Для слабой печати — возможно. Для сильной нужен носитель пустоты.

Глеб посмотрел на неё.

— То есть я.

Под первым слоем Ли нашла дату изготовления. Она прочитала год дважды и проверила календарный знак кузницы.

— Что? — спросил Савва.

Ли повернула пластину к свету.

— Схему вырезали за три года до рождения Глеба.

В мастерской стало тихо. Глеб взял Безмолвный за ножны, но не прикоснулся к открытой рукояти.

— Значит, ждали не меня.

— Ждали линию, из которой должен был появиться подходящий носитель, — ответила Ли.

Дата стояла под клеймом, которое не принадлежало Баю. Рядом сохранилась половина имени, выскобленного тем же резцом, что стёр имя Ли Чанфэна с судейского знака.

Часть II. Семь школ убийства

Глава 9. Штурм Сломанного зубца

На рассвете башня сливалась со скалой. Сигнальная площадка лежала на вершине Сломанного зубца. К ней вели семь путей, но русской доле достался голый склон с редкими кольцами для веревок. Глеб дёрнул первый канат.

— Если кольцо выйдет, человек уйдёт вместе с ним, — сказал Емельян, вчерашний связной.

Савва привязал к концу мешок с песком и затянул узел зубами. Петля не поползла.

— Хороший разведчик. Молчит и не просит награды.

Мешок сбросили вниз. Кольцо выдержало. На соседнем склоне люди Гэру Сайхана строились под Железным Указом. Выше Тогон Саруул проверял узкую тропу.

Над башней прозвучал гонг. На воротах вспыхнула печать: один круг и одна черта к вершине. Безмолвный потяжелел у Глеба на поясе.

Чжао Дин объявил:

— Побеждает владелец, первым закрепивший знак на сигнальном столбе. Команда должна сохранить две трети состава. Потерявшие способность двигаться выбывают.

— А погибшие? — спросил Савва.

— Тоже не двигаются, — ответил Яков Неждан. — Не трать время.

Рядом с ним стояли восемь стрельцов с пищальми. Яков увёл их из общего звена ночью.

— Идём прямо, — сказал он. — Пока Воронец проверяет камни, возьмём ворота.

— Склон простреливается, — ответил Глеб.

— Значит, поднимемся раньше, чем зажгут фитили.

Яков повёл людей вверх. После клятвы он лишился права командовать ими через долю Безмолвного, но старой привычки хватило.

Глеб не стал возвращать их приказом. Люди видели его решение.

— Остальные по трое. Верёвка между первым и третьим. Если участок опасен, называете причину и уходите к следующему кольцу.

— Так придём последними, — сказал рыжебородый стрелец.

— Последние тоже дышат.

Гонг прозвучал снова. Семь команд начали штурм.

В русском реестре стояло восемнадцать имён. К площадке должны были подняться хотя бы двенадцать.

У каждого стрельца висел запасной фитиль в роговой трубке. Глеб велел проверить колпачки. На открытом склоне ветер мог погасить огонь или задуть искру под одежду.

Русские двигались медленнее всех. Кольчуги тянули назад, открытый склон не давал укрытия. Через двадцать шагов люди тяжело дышали. Яков уже набирал высоту.

С башни вылетел болт. Он врезался в щит и сбил стрельца на колени.

— Щиты выше! — крикнул Яков.

Строй сомкнулся. Второй болт провернул щит, но сосед подхватил человека за пояс.

Глеб повёл своё звено к выступу. Там находилось второе кольцо. Емельян закрепил канат.

Слева люди Гэру поднимались быстрее. Железный Указ светился над ними. Каждый ставил ногу в след впереди, хотя болты били по щитам.

— Они выйдут к воротам раньше, — сказал рыжебородый.

— Если ворота их признают.

Печать башни пропускала только строй, связанный одной волей. У Гэру был нужный клинок. У Якова — привычка командовать. У Глеба оставались люди, которым он разрешил отказаться.

С площадки ударила пищаль. Пуля выбила камень рядом с Емельяном. Осколок рассёк ему щёку.

— Могу идти, — сказал он.

— Передавай: вправо.

Три звена ушли к ложбине. Двигались хуже строя Гэру, но болты теперь проходили выше.

Ли стояла на судейском мостике за белой чертой. Она следила за печатью ворот, а не за подъёмом.

У людей Якова загорелись фитили. Они дали залп по бойницам. Дым закрыл склон.

— Вот так берут стены! — крикнул сотник.

Ветер повернул и погнал дым вниз. Люди Глеба закашлялись. Один потерял опору и повис на верёвке.

— Стоять! — крикнул рыжебородый.

Человек попытался замереть и закрутил канат вокруг ноги. Верёвка врезалась в голенище.

— Отмена! Ложись на бок, — приказал Глеб.

Емельян передал слова. Стрелец перестал бороться, упёрся сапогом и позволил товарищам подтянуть себя.

Безмолвный стал легче. Меч отзывался, когда отменённый приказ спасал строй от ошибки.

Белая черта на судейском знаке Ли вспыхнула, когда Яков увёл людей в дым. Она провела пальцем над пластиной, проверяя, не нарушено ли условие сохранения команды. Остановить штурм она не могла: сотник действовал по своей воле, а договор позволял владельцу терять людей, пока в движении оставались две трети.

Глеб заметил, что она подняла два пальца. Двое уже выбыли у прямого склона. Это не было подсказкой, только судейской отметкой, но Яков её даже не увидел.

До ворот оставалось меньше сотни шагов. Там сходились три пути. Люди Гэру шли слева, русские — снизу. Справа поднимался Тогон с четырьмя бойцами. Ветер Погони тянул их вперёд, но они задыхались.

Яков достиг ворот первым. Створки были стянуты железом. Он ударил прикладом по белой черте. Печать отбросила его.

— Встать за мной!

Стрельцы сомкнулись. На воротах проступил знак одного командира, но не открылся. Яков не был владельцем клинка.

Гэру поднял Железный Указ. Белая линия прошла по его рукаву.

— Мои люди пройдут первыми.

— Попробуй, — ответил Яков.

Строй встретились у тесной площадки. Сверху уже зажигали новые фитили.

Глеб остановил людей ниже. Здесь оставалось место для разворота.

— Емельян, передай рыжему звену: пусть откажутся идти к воротам.

— На самом деле?

— На один вдох. Потом вправо.

Рыжебородый выругался и повёл троих вниз, оставляя разрыв. Маньчжуры сразу его заметили.

Гэру увидел слабое место. Его переднее звено повернуло к русским, чтобы вытеснить их со склона.

— Сейчас, — сказал Глеб.

Рыжее звено развернулось. Два стрельца за камнями подняли пищали.

— Огонь.

Глиняная дробь ударила по щитам маньчжурского звена сбоку. Люди Гэру закрылись, и по ним прошёл залп защитников башни.

Железный Указ заставил строй продолжить движение. Передний воин получил болт в плечо и всё равно шагнул вперёд.

— Сайхан! Отведи людей!

— Они выдержат!

— Один уже не поднимает руку.

Гэру видел раненого, но клинок требовал завершить манёвр. Его дисциплина стала ловушкой.

Глеб побежал к воротам. Яков схватил его за перевязь.

— Ты подставил чужих под огонь.

— Они пришли ударить нас.

— Тогда добивай.

Глеб оттолкнул сотника и приложил Безмолвный к белой черте. Печать показала условие: войти мог строй, признанный одним командиром.

— Откройся для каждой группы, принявшей свою задачу, — сказал Глеб.

Меч не отозвался. Условию требовался действующий отказ.

Глеб повернулся к своим и перекрыл проход:

— В ворота не идти. Выберите сами: прикрывать раненых или подниматься за мной.

Яков усмехнулся. Он всё ещё стоял у порога.

— Командир просит людей подумать под огнём.

Емельян первым шагнул к воротам. Он не ждал остальных.

— Иду за тобой.

Рыжебородый остался у раненого маньчжура. Двое заняли бойницы в скале. Остальные разделились без спора. Строй стал несколькими малыми группами, и каждая знала задачу.

На гарде Безмолвного раскрылся знак. Глеб провёл кромкой по общей линии ворот. Дерево осталось целым, но требование одного командира распалось.

Створки открылись. Печать погасла на обеих половинах.

— За мной! — крикнул Яков и первым прошёл порог.

Следом вошли люди Глеба. Гэру сумел повернуть Железный Указ и отвести раненых.

За воротами начиналась лестница. На ступенях лежал песок. Яков рванул вперёд, но после прямого подъёма его стрельцы выбились из сил. Один сел у стены.

— Бросить его, — сказал Яков. — Иначе потеряем темп.

Глеб указал Емельяну на площадку. Стрелец уже сползал по стене.

— Оттащите туда. Один остаётся, второй догоняет.

— Судьи посчитают выбывшим, — сказал Яков.

— Пусть считают.

Сотник ушёл вверх с четырьмя людьми. Его шаги быстро стихли.

На последнем пролёте защитники сбросили брёвна. Первое ударило в стену. Второе покатилося по ступеням.

— В ниши!

Емельян не успел. Глеб схватил его за ремень и втянул в выемку. Бревно сорвало ножны Безмолвного.

— Меч потерял, — выдохнул связной.

— Он плохо резал.

— Но весил хорошо.

Они нашли клинок ниже. Рукоять стала горячей. Под башней работала седьмая печь, принимая каждый приказ через печать строя.

На верхнюю площадку Яков вышел первым, но сигнальный столб закрывала последняя печать. Она потребовала знак владельца.

— Воронец! Меч сюда!

Глеб поднялся следом. Дыхание обжигало горло.

— Сам возьми.

Яков протянул руку, но Безмолвный не двинулся к нему. За сотником появился Тогон. Он дошёл по внешним уступам с двумя людьми и едва стоял.

— Спорьте медленнее, — сказал он. — Я почти отдохнул.

С другой стороны вышел Гэру. Его строй сохранил нужное число бойцов. Железный Указ горел в его руке.

Глеб коснулся последней печати. Белая черта распалась, и путь к столбу открылся.

Он оказался ближе всех. На камне лежал знак победителя. Оставалось поднять его.

За краем площадки хрустнул камень. Плита под Гэру дрогнула.

Гэру шагнул на повреждённый участок. Нога ушла в щель, доспех потянул тело наружу. Железный Указ выпал.

Гэру схватился за край одной рукой. Пальцы поползли по пыли.

Глеб посмотрел на знак. До него оставался шаг.

— Подними! — крикнул Яков. — Чужой сам полез!

Тогон рванулся к столбу. Клинок потянул его быстрее.

Глеб бросил знак Емельяну. Связной поймал его обеими руками.

— Стой рядом. Не трогай.

Он лёг на живот и схватил Гэру за запястье. Доспех тянул вниз.

— Отпусти наплечник!

— Ремень заело.

Глеб обмотал ремень Безмолвного вокруг штыря и пропустил под локтем противника. Емельян бросился помогать.

Тогон коснулся своим знаком сигнального столба. Над башней вспыхнуло синее пламя.

— Первый ранг — Ветер Погони! — объявил Чжао.

Глеб и Емельян вытащили Гэру. Левая кисть у него была вывернута, колено рассечено.

— Ты потерял победу, — сказал он.

— Зато не оставил тебя на склоне.

Гэру увидел внизу своего раненого. Рыжебородый перевязывал ему плечо.

— Я верну долг.

— Верни человека домой.

Яков подошёл к Глебу. Он снял перчатку и стряхнул каменную пыль.

— Мы пришли первыми. Ты отдал ранг чужаку.

— Тогон дошёл сам.

— Русские получают половину припасов и место у сточной стены.

— Починим крышу.

— Ты умеешь побеждать и боишься взять победу.

— Я выбрал человека.

— Чужого. Своих оставил без еды.

— Своих ты увёл на прямой склон.

Стрельцы Глеба поднялись на площадку. Емельян встал рядом с ним. Сотник увидел, что спор слышат все.

— В следующий раз я не дам тебе решать за русскую долю.

— Она тебе не принадлежит.

Чжао поднялся с книгой и поставил рядом с русским знаком третью медную метку. Первая досталась Тогону, вторую получила команда Хоу, вошедшая через внутренний ход после открытия ворот.

— Русской доле положено шесть мешков зерна и навес у нижнего стока, — объявил он.

Савва посмотрел через край площадки на далёкий навес. Сток темнел у самой стены.

— Зато вода рядом. Иногда даже сверху.

Глеб принял эту цену. Потеря припасов была настоящей, а не красивой записью. Внизу их люди уже делили последнюю целую верёвку с ранеными Гэру.

Судьи поднялись по внутренней лестнице. Ли проверила рану Гэру и подошла к столбу. На его основании горели семь знаков. От каждого уходила медная жила к седьмой печи.

— Башня записывала команды, — сказала она.

Бай остановился рядом. Он не отрицал запись.

— Для этого создано испытание.

— Вы сказали, что проверяете способность вести людей.

— Я не сказал, куда уходит результат.

Ли приложила судейский знак к основанию. Нефрит показал приказ Гэру продолжать шаг, рывок Тогона и попытку Якова удержать строй. Последним появился Глеб у открытых ворот.

Глеб увидел людей, которые без спора приняли разные задачи. На один миг ему стало легко. Манёвр сработал именно так, как он задумал.

Удовольствие оказалось коротким, но седьмая печь взяла его раньше, чем он отвернулся от чувства. На медной жиле раскрылся знак власти.

Ли посмотрела на Глеба. Судейский знак похолодел в её ладони.

— Печь записала не спасение Сайхана.

— Тогда что?

— Миг у ворот. Тебе понравилось, что люди исполнили твою волю без спора.

Глеб хотел ответить, что они выбрали сами. Слова не пришли. Он помнил это чувство и не мог назвать его чужим.

Под башней загудела седьмая печь. Разомкнутый круг Безмолвного начал закрываться вокруг знака власти.

Глава 10. Приказ, который ранит

Лазарет заполнили до полудня. У дальней стены лежали люди Гэру Сайхана, у окна — русские стрельцы. Раны после штурма были обычными, пока рядом не повторяли прежний приказ.

— Щиты выше, — сказал стрелец Фёдор, объясняя, как получил удар.

Разрез на его плече раскрылся. Кровь сразу промочила новую повязку.

Савва прижал к ране сложенное полотно и посмотрел на Ли.

— Слова входят через рот, а выходят через плечо. Удобно для человека, который не любит спорить.

— Не повторяй приказ, — сказала Ли.

— А как объяснить?

— Скажи, что поднял щит.

Фёдор повторил. Повязка осталась чистой.

На соседней койке застонал маньчжурский воин. Услышав команду, он попытался встать. Нога подломилась, шов на бедре разошёлся.

Ли перехватила его за плечи и прижала к камню, чтобы рана не разошлась сильнее.

— Лежать.

Кровь пошла сильнее.

— Не приказывай, — сказал Савва. — Даже ты.

Ли изменила слова:

— Можешь остаться на койке. Так будет легче перевязать ногу.

Мужчина расслабился. Белый след под кожей побледнел.

Они проверили ещё троих. У стрельца снова шла кровь при словах Якова. У воина Гэру — при приказе держать строй. Писец Хоу начинал задыхаться, когда слышал формулу Канцелярии.

Если человек называл действие своими словами, тело не отзывалось. Повтор команды оживлял белый след.

— Запоминает момент подчинения, — сказала Ли.

— Добровольного тоже?

Молодой стрелец у окна сам решил остаться рядом с раненым товарищем. На его ладони была ссадина, но белого знака не было.

— Только там, где чужую волю признали главнее своей.

Савва сменил полотно. Руки у него дрожали от усталости.

— Отдохни.

— Это приказ?

— Просьба.

— Тогда подумаю.

Он сел на табурет и закрыл глаза.

Ли положила нефритовую пластину на грудь Фёдора.

— Назови имя.

— Фёдор Аникин.

— Что сделал на склоне?

— Поднял щит.

На нефрите появилась линия, повторившая движение поднятого на склоне щита.

— Почему?

— Чтобы болт не попал в Емельяна.

Вторая линия соединилась с первой. След на плече побледнел.

— Теперь повтори слова Якова.

Фёдор сжал зубы.

— Щиты выше.

Порез дёрнулся, но не раскрылся. Имя командира осталось за пределами новой связи.

— Так можно снять узел? — спросил Савва.

— С каждого отдельно. Человек должен назвать собственную причину.

— На весь лагерь уйдёт неделя.

Ли перешла к воину Гэру. Он назвал приказ своим голосом и снова попытался подняться.

Белая полоса на бедре натянулась до живота.

— Зачем ты продолжил подъём? — спросила она.

— Сайхан велел.

— Это его причина. Назови свою.

Воин долго молчал, потом показал на молодого знаменосца у стены.

— Если бы я отступил, болт попал бы в него.

Ли вписала эту связь в нефрит. Полоса разомкнулась, но два пальца правой руки онемели. Чужой приказ прошёл через её кровь и оставил холод от пальцев до локтя.

Савва заметил это и перехватил пластину.

— Дальше без твоей крови.

— Без неё узел не откроется.

— Тогда откроется позже. Лекарь без рук полезен только советами, а советы у нас и так бесплатные.

— Если командир повторит приказ раньше, начнём заново, — сказала Ли.

В дверях появился Глеб. На скуле темнел синяк, Безмолвный висел у пояса.

— Яков собирает людей у казармы.

Фёдор попытался сесть.

— Он велел всем прийти?

Белая линия вспыхнула.

— Не повторяй, — сказал Глеб. — Яков собирает тех, кто может ходить. Ты остаёшься.

— Он скажет, что я уклоняюсь.

— Пусть скажет мне.

Глеб повернулся к Ли.

— Что с ними?

— Тело запомнило приказ. Повтор возвращает боль и укрепляет связь.

— Меч поможет?

— Сейчас он разрывает навязанную волю. Здесь приказ уже принят. Разрыв может повредить память о самом действии.

— Значит, лечить по одному.

— И остановить следующий сбор таких записей.

В лазарет вошёл Чжао Дин. Он принёс узкую книгу в серой обложке и запер дверь.

— Вы нашли повторяющиеся раны.

— Ты знал? — спросил Глеб.

— Нашёл запись в старом реестре. Опыт назывался «Рана помнит приказ».

Ли взяла книгу. Название было написано знаком её клана.

— Где продолжение?

— Во внутреннем архиве Бая.

— Удобно, — сказал Глеб. — Ты принёс половину вины и показал, где искать вторую.

Чжао раскрыл страницу. Печать сохраняла команду в теле раненого. Повтор слов возвращал боль и облегчал следующее подчинение.

— Бай назовёт это законной ценой клинков, — сказал Чжао. — Ты можешь внести нарушение, если докажешь, что эффект скрыли до клятвы.

— Почему помогаешь?

— Скрытая цена разрушает договор.

Ответ был правдивым, но появился вовремя, чтобы направить их против Бая.

— Я пойду в архив, — сказала Ли.

— Я с тобой, — ответил Глеб.

— Судейский доступ действует только для меня.

Савва поднялся.

— Тогда сначала запишем найденное. Архив иногда закрывается от внезапной любви к порядку.

Ли внесла в личный реестр имена пострадавших и слова, вызывавшие боль. Фёдор поставил отпечаток пальца. Маньчжурский воин согласился после перевода. Писец Хоу отказался.

— Канцелярия сочтёт меня слабым.

— Она уже использовала твоё тело как запись, — ответила Ли.

Глеб проводил её до внутренней двери. Медная черта остановила его.

— Вернёшься и скажешь всё.

— Всё, что подтверждено.

— До решения, а не после.

Ли кивнула и вошла. Бай ждал у стола. Между двумя лампами лежал свиток с её записью из лазарета.

— Чжао работает быстро, — сказала она.

— Ты тоже.

— Ты знал об узле приказа.

— Знал о старом опыте.

— Он встроен в башенную печать.

— Испытание показывает цену командования.

— Участникам не сказали, что тела будут хранить приказы.

— Они приняли условия боли.

— Общая фраза не заменяет названную цену.

Бай провёл повреждённой рукой по краю стола.

— Любой клинок продолжает действие в людях. Железный Указ оставляет привычку стоять. Белый Указ — привычку принимать закон. Безмолвный тоже записал Глеба.

— Что именно?

— Удовольствие от исполненной воли.

Ли сжала судейский знак; острый край вдавился в онемевшую ладонь.

— Он не ранен.

— Тело — не единственное место для записи.

— Ты использовал «Рана помнит приказ»?

— Использовал основу. Не один.

Бай открыл дальнюю часть архива. На полках лежали книги клана Ли. Некоторые Ли видела в детстве.

— Их считали уничтоженными.

— Вашим хранителям так было удобнее.

Он положил перед ней книгу в зелёном переплёте. На первой странице стояла дата опыта. Ниже шли имена свидетелей.

Ли узнала почерк наставника. Наставник Цю подписал право применять телесный якорь к солдатам, связанным общим приказом.

— Он не мог одобрить это без ограничения.

На следующей странице стояло ограничение: опыт разрешали только для добровольного лечения бойцов, которые после ранения теряли способность выполнять собственное решение. Ниже другой рукой добавили, что командир признаётся источником устойчивой воли.

— Эту строку внесли позже.

— При Канцелярии. Наставник видел поправку и не отозвал подпись.

— Ты вынес опыт из хранилища и встроил его в турнир.

— Да.

На полях была отмечена история опыта. Начальную запись провёл клан Ли. Канцелярия завершила перенос, а последняя дата совпадала со строительством башенной печи. Бай не прятал своей подписи: она стояла рядом с клеймом молота.

— Ты мог вырвать эти страницы, — сказала Ли.

— Тогда ты обвинила бы меня без них.

— Ты оставил доказательство, потому что уверен, что общая вина защитит тебя.

— Нет. Потому что без полной записи вы снова повторите опыт под другим именем.

Бай не оправдывался. Это злило сильнее лжи.

— Зачем показываешь книгу?

— Ты пришла доказать моё нарушение. Доказательство должно быть полным.

— Ты хочешь разделить вину.

— Она уже разделена. Не называй клан жертвой, а меня единственным преступником.

Ли посмотрела на подпись наставника. Раньше Бай был для неё изгнанником, сказавшим работу клана. Книга уничтожила эту удобную границу.

— Общая вина не отменяет твоего решения.

— И решения хранителей.

— Я не хранитель.

— Но носишь их судейский знак.

Ли сняла пластину и положила на книгу.

— Поэтому внесу нарушение от своего имени.

Бай дал ей последний лист. Там находилась схема передачи телесных записей в общую печь. Башня собирала способы подчинения. Боль показывала, насколько приказ отделился от личной воли.

— Вы калибруете слияние.

— Проверяем, можно ли соединить семь функций без разрушения носителя.

— На людях, которым сообщили только о штурме.

— На владельцев, пришедших за властью клинков.

— Их бойцы пришли за ними.

Бай промолчал.

Ли переписала ключевую строку в личный реестр. Судейский знак нагрелся.

— Если внесёшь запись публично, я отстраню тебя от следующего испытания.

— По какому правилу?

— Судья, обвиняющий устройство испытания, не может оценивать его до разбора жалобы.

— Разбор назначаешь ты.

— Так устроен договор.

— Значит, проверю и это условие.

Во внешнем зале уже собрались владельцы. Глеб стоял рядом с Саввой. Чжао стоял у реестра и не смотрел на Ли.

Она вышла к общей наковальне.

— Во время штурма башня записала приказы в телах участников. Повтор команд возвращает боль и усиливает подчинение. Эта цена не была названа до клятвы.

Хоу Лян поднялся.

— Боль предусмотрена условиями.

— Боль от травмы — да. Сохранение приказа — нет.

Гэру посмотрел на перевязанного воина у двери.

— Узел можно снять?

— Человек должен отделить своё действие от имени командира.

Яков усмехнулся и провёл большим пальцем по старому рубцу на виске.

— Снова учить людей сомневаться.

Глеб ответил:

— Учить понимать, ради чего они идут.

— В бою нет времени.

— Поэтому цену называют до боя.

Ли положила реестр на наковальню. Нефрит отозвался красной чертой.

— Я фиксирую нарушение. Основа опыта создана кланом Ли, изменена при Канцелярии и применена Баем в башенной печати. Ответственность общая. Участие в следующем испытании нельзя считать свободным, пока людям не сообщат цену.

В зале заговорили. Мэй Жоу потребовала копию. Хоу запретил писцам её переписывать. Цзянь У коснулся плеча, проверяя собственный след.

Бай ударил молотом по краю наковальни.

— Жалоба внесена. Ли Шэньюэ отстраняется от следующего испытания до разбора записи.

Судейский знак погас. Дверь внутреннего архива закрылась.

— Удобный разбор, — сказал Савва. — Сначала убирают судью, потом ищут справедливость в пустом кресле.

Ли повернулась к участникам.

— Следы останутся активными, пока узлы не переписаны. Не повторяйте команды дословно. Назовите собственную причину действия.

Она потеряла доступ к испытанию, но теперь каждый знал, что боль была частью системы.

Глеб подошёл, когда владельцы разошлись.

— Ты сказала про клан.

— Он участвовал.

— Это не делает тебя виновной.

— Я носила его знак и считала, что преступление пришло извне. Так было проще.

— Теперь?

— Теперь отвечаю за то, что делаю с найденной правдой. Не за подпись наставника.

Глеб кивнул.

— Хорошее правило.

— Тебе придётся идти на следующее испытание без меня.

— Я и сюда пришёл без приглашения.

Савва принёс зелёную архивную книгу.

— Бай разрешил? — спросила Ли.

— Чжао сказал вернуть после чтения последней страницы. Я решил, что это почти решение.

Ли открыла книгу. Под подписью наставника стояли три свидетельских знака. Клановый знак Ли соседствовал с печатью Канцелярии. Ниже был выдавлен старый русский знак: ворон над разомкнутым кругом.

Глеб перестал улыбаться.

— Знаешь знак? — спросила Ли.

Он провёл пальцем над оттиском.

— Такой был на перстне моего отца.

Под знаком стояло родовое имя, записанное китайским писцом: Воронцовы. Архив подтверждал их участие в опыте за годы до рождения Глеба.

Глава 11. Охота в соляном ущелье

Соль начиналась за южными воротами кузницы. Белая корка покрывала дно ущелья и резала глаза даже в утренней тени. Глеб завязал платок ниже носа, проверил бурдюк и велел каждому сделать по два глотка до выхода.

— По два, — повторил Савва. — Третий будет считаться попыткой утопиться.

После вчерашнего штурма у людей болели ноги, а воды русской доле выдали меньше обычного. Бай назвал новое испытание охотой, но на столе лежали два приказа.

Чжао Дин прочёл первый:

— Найти условного вражеского лазутчика. Доставить живым к северному выходу ущелья.

Хоу Лян развернул вторую дощечку.

— Ни одна сторона не должна позволить сопернику получить сведения лазутчика.

Глеб посмотрел на Бая.

— Если его надо доставить живым, как помешать другим услышать его?

— Решите сами, — ответил кузнец.

— Значит, один приказ требует пленного, другой разрешает труп.

— Второй требует сохранить военную тайну.

Ло Цзэхай провёл пальцем по рукояти Красной Клятвы.

— Предатель уже выбрал цену.

Тогон Саруул стоял рядом с серой кобылой. Ветер Погони висел у седла, и лошадь переступала без команды.

Ли подошла к Глебу до сигнала. После вчерашней записи Бай отстранил её от испытания, но не запретил осматривать участников перед выходом.

— В ущелье старые соляные колодцы, — сказала она. — Большинство закрыто. Один у западной стены ещё даёт воду после дождей.

— Беглец знает место?

— Рабочие кузницы знают.

— Значит, он не условный лазутчик.

Ли посмотрела на Бая.

— В реестре нет имени цели.

Савва поправил сумку с перевязочным полотном.

— Хорошая охота. Зверь настоящий, правила условные, а жажда общая.

Гонг прозвучал один раз. Ворота открылись, и семь групп вошли в ущелье.

Яков Неждан повёл стрельцов за Глебом. Часть русских шла за сотником, остальные двигались малыми звеньями, но Бай записал их одной долей.

— Поставим пищали у северного выхода, — сказал Яков. — Когда беглец появится, дадим залп поверх головы. Если не ляжет, второй будет ниже.

— Нам нужен живой.

— Живой человек после выстрела лучше понимает просьбы.

— А мёртвый удобнее молчит. Потому ты и предлагаешь засаду.

Яков молча проверил кремь пицали и отвернулся.

— Я предлагаю не гонять людей по соли. До полудня здесь начнёт плавить сапоги.

Глеб посмотрел на склон. Белая пыль скрывала неглубокие отпечатки, но у камня темнела капля крови. Рядом лежало перо пустынной сороки.

Он присел. Кровь подсохла по краям, а середина ещё блестела. След уходил не к северному выходу, а в сторону старого русла.

— Он ранен, — сказал Емельян.

— Левая нога. Наступает на носок.

Яков посмотрел вперёд.

— Тем лучше. Далеко не уйдёт.

Сороки кружили ниже по ущелью, но не садились. Глеб показал на влажный след ладони у тёмного камня.

— Он идёт к западной стене.

— От выхода, — заметил Савва.

— К колодцу.

Яков выругался.

— Если он доберётся до воды, придётся выкуривать из шахты.

— Там он ждёт людей. Уходящий не идёт в тупик.

Тогон услышал перевод и вскочил в седло.

— Я возьму его раньше колодца.

— Живым, — напомнил Глеб.

— Ветер быстрее смерти.

— Иногда поэтому первым её и встречает.

Тогон усмехнулся и пустил кобылу галопом. Ветер Погони вспыхнул у стремени. Соль поднялась белым хвостом.

Ло Цзэхай двинулся следом. Его люди шли пешком, но Красная Клятва тянула их к следу крови.

— Предателя нельзя вести к судьям, — сказал Ло. — Он продал работу кузницы.

— Пока мы знаем только то, что он убежал, — ответил Глеб.

— Этого достаточно.

— Для клятвы, возможно. Для меня нет.

Ло отвёл руку от меча.

— Тогда не стой между нами.

Глеб разделил людей. Емельян повёл двоих к западной стене, Яков забрал четверых стрельцов на уступ.

— Только по ногам, — сказал Глеб.

— Если понадобится.

— Это и есть приказ.

— Ты вчера разрешил отказываться.

— Разрешил. Назови причину.

Яков прищурился, оценивая расстояние до выхода и позиции стрелков.

— Не хочу отдавать лазутчика Канцелярии.

— Тогда не стреляй первым.

Сотник ушёл, не ответив, и каблуки долго стучали по камню ущелья.

Соляная корка ломалась под сапогами. Глеб нашёл след колена и обрывок серого передника. Беглец перевязывал ногу на ходу.

Впереди заржала лошадь. Звук оборвался ударом.

Глеб побежал. За поворотом кобыла Тогона лежала у соляного провала. Передняя нога застряла между камнями. Тогон успел вылететь из седла и теперь бежал дальше, шатаясь после падения.

— Остановись! — крикнул Глеб.

Тогон не обернулся. Ветер Погони тянул его к узкой тропе. Каждый шаг становился длиннее, хотя правая рука висела плетью.

Савва опустилсь возле лошади.

— Нога сломана.

Глеб увидел, как Тогон споткнулся, встал и снова побежал. Клинок не позволял закончить погоню. Пока цель двигалась, остановка считалась поражением.

- Помоги кобыле, — сказал Глеб.
- Помогу. Но она меня за это возненавидит.
- Значит, лечение настоящее.

Глеб побежал за Тогоном. Соль ослепляла, воздух обжигал горло. Он догнал степняка у западной стены.

- Сними меч.
- После цели.
- Ты потерял лошадь.
- Погоня продолжается.

Тогон шагнул на осыпь. Колено подогнулось, но Ветер Погони вытянул его вперёд. Клинок откладывал усталость до остановки.

Глеб схватил Тогона за пояс. Степняк ударил локтем и вырвался.

- Не мешай!
- Через десять шагов упадёшь.
- Через девять догоню.
- Его здесь нет.

Тогон замер на половине движения. Меч дёрнул его к тропе.

- След идёт к колодцу, — сказал Глеб. — Ты гонишься за своей печатью.
- Цель впереди.
- Тогда покажи след.

Тогон посмотрел под ноги. На соли не было крови. Беглец свернул раньше, а Ветер продолжал тянуть владельца по прямой.

Степняк попытался остановиться. Тело сразу задрожало. Усталость возвращалась разом: падение с лошади, удар в плечо, бег по соли.

- Не могу, — выдохнул он.
- Можешь. Меч не даёт.

Глеб вынул Безмолвный. Тупая кромка коснулась ремня у ножен Ветра Погони. На коже проступил знак непрерывного движения.

- Я разорву связь. Боль придёт сразу.
- Режь.
- Можешь упасть.
- Уже падаю.

Глеб провёл клинком по знаку. Ремень остался цел, но белая линия распалась.

Тогон сделал ещё шаг по привычке. Потом ноги подломились. Глеб успел подхватить его под плечо и опустил на соль.

Степняка скрутило судорогой. Глеб дал ему глоток воды и растёр икру через сапог.

- Ещё, — попросил Тогон.
- Через минуту.
- У тебя сердце торговца.
- Торговец попросил бы лошадь взамен.

Тогон закрыл глаза и выровнял дыхание.

- Лошадь жива?
- Савва рядом.
- Тогда он попросит деньги.
- Хуже. Благодарность.

На тропе появился Ло Цзэхай. Красная Клятва светилась у него на боку.

- Ты потерял беглеца ради соперника, — сказал он.
- Тогон пока не беглец.
- Рабочий уйдёт к колодцу.

— Поэтому мы знаем, где искать.

Ло посмотрел на степняка.

— Ты обязан продолжать.

— Мой долг сейчас лежит на соли, — ответил Тогон. — И весит больше, чем думал.

Ло двинулся к колодцу. Глеб не преградил путь. Сначала Тогону нужно было вернуть дыхание.

Подожли Емельян и Савва. Кобылу оставили под навесом из плаща, наложив шину.

— Вечером вернёмся. Она первая умная среди нас.

Тогон попытался встать.

— Я пойду.

— Нет, — сказал Савва.

— Это приказ?

— Диагноз.

Глеб оставил с ним Емельяна и одного стрельца. Тогон схватил Глеба за рукав.

— Я должен тебе.

— Доживи до расчёта.

— В степи долг не любит ждать.

— Здесь тоже. Потому долгов так много.

К старому колодцу вела расселина. Ступени спускались к шахте под досками. На соли лежали свежие капли крови.

Яков уже занял уступ. Четыре фитиля тлели под колпачками. Ло стоял у нижнего прохода. Его меч тянулся к шахте.

— Он внутри, — сказал Яков. — Прикажи выходить. Если откажется, стреляем в доски.

— Под досками может быть пороховая пыль.

— Тогда выйдет быстрее.

Глеб подошёл к краю.

— Слышишь меня?

Из шахты не ответили. Только камень упал в воду.

Ло поднял Красную Клятву.

— Рабочий кузницы нарушил клятву молчания. Его кровь уже признана ценой.

— Кем?

— Клинком.

— Клинок вчера хотел убить писца за чужую подпись.

Ло сжал рукоять, и красная линия на гарде поползла к его запястью.

— Я исправил ошибку.

— Тогда не повторяй её.

Яков махнул стрелкам; двое уже поднимали пищали к выходу из ущелья.

— Первый залп поверх входа.

Глеб встал перед пищалами и закрыл собой узкий сектор обстрела.

— Опуст.

— Ты снова ставишь чужого выше своих.

— Люди шли за живым пленным.

— Второй приказ требует сохранить его сведения.

— Он сам и есть сведения.

Яков шагнул ближе и поставил сапог на край соляной черты.

— Отойди.

— Нет.

Белый знак старого приказа вспыхнул на запястье одного стрельца. Рана после штурма начала кровить. Мужчина поднял пищаль, хотя лицо перекосило от боли.

Глеб коснулся знака Безмолвным. Связь распалась. Стрелец опустил ствол и прижал руку к груди.

— Я не стреляю, — сказал он.

Второй последовал за ним. Яков остался с двумя.

— Вот твой строй, — бросил сотник. — Каждый выбирает удобную доблесть.

— Зато ты знаешь, кто согласен.

Глеб снял с пояса Безмолвный и положил на соль. Потом отстегнул нож и положил рядом.

— Ордос! — крикнул Ло. — Выходи и прими клятву.

В шахте послышалось движение. Имя было настоящим.

— Ордос, — сказал Глеб. — Я не стану связывать тебя приказом. Выйдешь сам — выслушаю. Останешься — Ло ползет вниз, и разговор станет короче.

Савва тихо сказал:

— Умеешь успокаивать.

— Я стараюсь не врать.

Из-под досок показалась рука. Потом выбрался мужчина в сером переднике. Левая голень была обмотана грязной тканью. В руке он сжимал кузнечный молот.

Ордос увидел Красную Клятву и отступил.

— Он убьёт меня.

— Хочет, — ответил Глеб. — Пока не позволю.

— Ты владелец?

— Временно.

— Все так говорят перед приказом.

Глеб показал на Безмолвный у сапога.

— Этот не связывает твою волю.

Ордос долго смотрел на меч, потом бросил молот.

Ло шагнул вперёд. Красная Клятва вышла из ножен.

— Предатель принадлежит кузнице.

— Он принадлежит себе, — сказал Глеб.

— Он вынес военную тайну.

— Потому мы его и слушаем.

Яков поднял пицаль.

— Уведём к судьям. Там разберутся.

Ордос побледнел.

— Судьи отдадут меня Баю.

— Я беру его под защиту русской доли, — сказал Глеб.

— Тогда ты провалил задачу, — ответил Яков. — Его требовали доставить к северному выходу.

— Доставлять не буду.

Чжао появился на верхней тропе с двумя писцами и услышал последние слова.

— Русская доля отказывается передать цель?

— Цель — рабочий кузницы, а не условный лазутчик.

— Условие не меняется от его имени.

— Для меня меняется.

Чжао открыл книгу.

— Отказ считается провалом. На сутки ваша доля лишается воды из кузнечных запасов.

Савва посмотрел на почти пустой бурдюк.

— Прекрасно. Победа нас обезвоживает медленнее, чем поражение.

— Вода раненым останется, — сказал Чжао.

— Остальным принесу сам, — ответил Глеб. — У западной стены есть колодец.

— Вода здесь солёная, — заметил Савва.

— Найдём, как очистить.

— Наконец работа, где можно не бегать.

Ло убрал меч, когда Тогон, опираясь на Емельяна, спустился к шахте.

— Ордос под защитой Воронца, — сказал степняк. — До расчёта моего долга.

— Ты вмешиваешься ради человека, которого не знаешь, — ответил Ло.

— Ради человека, который остановил меня, когда мой клинок не смог.

Ло ушёл к своим. Яков повёл стрельцов обратно и не посмотрел на Глеба.

Ордос сел у колодца. Савва снял грязную повязку. На голени был ожог, присыпанный белым порошком.

— Откуда это? — спросил Глеб.

— Из нижнего зала. Камера дала трещину.

— Камера заряда?

Ордос покачал головой.

— Заряд — малый опыт. Под кузницей строят пушку. Духовную. Семь камер принимают работу семи клинков, потом сводят её в один выстрел.

— Куда она стреляет?

— Пока в пустой якорь под ареной. Когда найдут носителя, смогут направить дальше.

Глеб вспомнил углубление для восьмого знака на общей наковальне.

— Носитель уже найден?

Ордос посмотрел на Безмолвный.

— Я думал, ещё нет.

Он попросил меч. Глеб не дал рукоять, но повернул оружие к свету. Костяная пластина оставалась внутри.

Ордос провёл пальцем над швом, не касаясь кожи.

— Этот тайник делали для последнего сосуда.

— Для победителя турнира?

Рабочий поднял глаза.

— Победитель нужен пушке как командир. Последний сосуд нужен, чтобы выстрел вообще получил право разорвать печать.

Ордос узнал рукоять раньше, чем имя владельца, и теперь смотрел на Глеба как на часть оружия, подготовленную задолго до его рождения.

Глава 12. Цена остановки

Солнце поднялось над ущельем, и соль стала белее неба. Глеб отдал последний полный бурдюк Савве, чтобы тот поил Тогона и раненого Ордоса малыми глотками.

— Себе оставь, — сказал Савва.

— У колодца наберём.

— Там вода годится для засолки человека.

— Значит, не испортимся.

Тогон сидел в тени досок, прислонившись к стене шахты. После разрыва печати погони его тело потребовало весь долг сразу. Ноги сводило, плечо распухло после падения. Он попытался подняться, но Савва надавил на здоровое плечо.

— Ещё раз встанешь, привяжу к Ордосу. Будете одним больным на двоих.

Ордос слабо усмехнулся. На его обожжённой голени темнела свежая повязка. Рабочий всё время смотрел на проход, по которому ушёл Ло Цзэхай.

Глеб поднялся к краю круга. Красная Клятва появилась первой. Ло шёл впереди своих людей. За ним двигались Хоу Лян и двое служителей Канцелярии. Белый Указ висел у Хоу на поясе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.